

Самюэль Крамер

Шумеры. Первая цивилизация на Земле

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607955

Самюэль Крамер «Шумеры. Первая цивилизация на Земле», серия «Загадки древних народов»:

ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2010

ISBN 978-5-9524-4805-6

Аннотация

В книге представлено полное содержание всех расшифрованных глиняных табличек, повествующих о богах, героях и царях таинственного народа «черноголовых», шумеров, который положил начало мифологии, экономике, астрономии, математике, медицине и кому принадлежит трагический эпос первого героя человечества – Гильгамеша; проводятся параллели с Библией, античными мифами, историей Ассирии и Вавилона.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	25
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Самюэль Крамер

Шумеры

Первая цивилизация на Земле

Посвящается Университету штата Пенсильвания и музею при этом университете

Предисловие

В 1956 г. вышла моя книга «Из шумерских табличек», с тех пор она переиздавалась с некоторыми исправлениями и была переведена на многие языки под названием «История начинается с Шумера». Она включала в себя более двадцати самостоятельных очерков, объединенных единой темой – «первые» в летописной истории и культуре. В этой книге ничего не говорилось ни о политической истории шумерского народа, ни о природе их социальных и экономических учреждений; читатель не получал также представления о тех способах и методах, с помощью которых был обнаружен и «воссоздан» язык шумеров. Именно с целью восполнить эти пробелы и была задумана и написана эта книга.

1-я глава носит вводный характер; это краткий очерк об археологических и научных усилиях, приведших к расшифровке клинописного письма, причем особое внимание уделено шумерам и их языку, и сделано это таким образом, что, надеюсь, интересующийся данной проблемой дилетант сможет увлеченно и с пониманием следовать теме.

Во 2-й главе говорится об истории Шумера от доисторических времен 5-го тысячелетия до начала 2-го тысячелетия до н. э., когда шумеры перестали существовать как политически целостная формация. Насколько мне известно, это наиболее полное и подробное представление о политической истории, доступное нам сегодня. Из-за отрывочного, неуловимого, а подчас и недостоверного характера источников немало положений в этой главе основаны на предположениях и домыслах и потому могут отражать правду лишь частично, а то и полностью оказаться неверными. Чтобы помочь читателю составить собственное мнение и прийти к самостоятельным выводам, в начале главы перечислены и охарактеризованы различные виды источников, которыми располагают ученые, и указаны их дефекты, недостатки и связанные с этим трудности.

В 3-й главе речь пойдет о социальном, экономическом, правовом и технологическом аспектах шумерской городской жизни. Своей откровенной очерковостью она обязана относительной дороговизне и невнятности соответствующих источников и едва ли вообще была бы написана, если бы не последний научный вклад Дьяконова, Фалькенштейна и Сивила – трех ученых, так много сделавших для освещения тех или иных аспектов в данной области исследования.

Главы 4-я и 5-я повествуют о шумерской религии и литературе – двух разделах шумерской культуры, которой я посвятил почти всю свою научную карьеру. Поскольку сюда вошло многое из того, что содержится в моих предыдущих публикациях, то эти главы дают более полный и тщательный обзор имеющихся материалов, нежели представлялся возможным ранее, не говоря уже о многочисленных дополнениях и поправках в прежние переводы.

Главы 6-я и 7-я, посвященные шумерскому образованию и характеру, – мои «фавориты», если автору может быть позволено иметь фаворитов. Это те два аспекта шумерской культуры, о которых до недавнего времени не было известно практически ничего, но которые теперь можно обрисовать и рассмотреть достаточно подробно, чему свидетельством эти две главы. В главе, посвященной образованию, приведены, к примеру, четыре шумерских эссе на темы школьной жизни, о которых всего лишь пятнадцать лет назад никто ничего не знал. В 7-й главе намечен сравнительно новый подход к востоковедческому знанию: это попытка вычленить, проанализировать и понять внутренние мотивы и побуждения, которые способствовали созданию – и гибели – шумерской цивилизации.

8-я глава представляет то, что можно назвать «наследием» Шумера, оставленным им миру и его культуре. Она начинается с разговора о культурном взаимообмене шумеров и других народов Древнего Ближнего Востока. Затем следует итоговый обзор некоторых граней современной жизни, которые наиболее очевидно уходят корнями в Шумер. И в завершение

приводится целый ряд теологических, этических и литературных идей шумеров, имеющих аналогии в Библии – книге, сыгравшей исключительную роль в формировании западной культуры; эти параллели указывают на гораздо более глубокую связь древних евреев с шумерами, чем это предполагалось.

Наконец, есть приложения, подготовленные специально для тех читателей, которые по возможности предпочитают обращаться к оригинальным источникам. В них включены переводы целого ряда наиболее значительных документов, использованных в главе по истории, а также ряд источников по самым разным вопросам, представляющих особый интерес для книги о Шумере и шумерах.

Работа посвящается Пенсильванскому университету и университетскому музею. Это может показаться довольно необычным и ортодоксальным, но факт то, что, если бы не эти учреждения, эта книга никогда не была бы написана. Помимо того что руководство университета и факультета всячески способствовало моим исследованиям, несмотря на их довольно отдаленный и эзотерический характер, музей университета и его вавилонская коллекция обеспечили меня многими подлинными материалами, которые легли в основу этой книги. И потому посвящение книги этим двум учреждениям – знак моей глубокой и сердечной признательности всем, кто связан с ними и кто тем или иным образом способствовал мне и моим шумерологическим изысканиям на протяжении нескольких лет.

Мне также хотелось бы выразить свою благодарность Департаменту древностей Республики Турция и директору Археологического музея Стамбула за великодушное содействие в вопросах пользования шумерскими литературными табличками из коллекции Стамбульского музея Древнего Востока. Выражаю свою особую благодарность двум хранителям музейного собрания табличек за их неустанное и безвозмездное содействие, столь плодотворное для шумерологических исследований. Я глубоко обязан Директорату (Управлению) древностей Республики Ирак за их великодушное содействие по многочисленным поводам. Огромную и особую благодарность я испытываю к Йенскому университету Фридриха Шиллера, благодаря которому для меня стало возможным изучить шумерские литературные таблички Хилпрехта совместно с ее ассистентом-хранителем Инес Бернхардт. Сирила Дж. Гэдда, ранее сотрудника Британского музея, ныне почетного профессора Школы ориенталистики и афроведения, я хочу поблагодарить за великодушно предоставленные в мое распоряжение копии шумерских литературных документов из Ура, которым он посвятил столько времени и труда. Наконец, приношу благодарность Академии наук СССР и Музею имени Пушкина за предоставленную возможность изучения и публикации таблички с двумя шумерскими элегиями.

Американскому Совету ученых собраний выражаю сердечную благодарность за мою первую стипендию, сделавшую возможной мою поездку в Ирак в 1929–1930 гг. Хочу подчеркнуть, как делал неоднократно в предыдущих работах, что особенно многим я обязан Мемориальному обществу Дж. С. Гугенхейма и Американскому философскому обществу; они были настоящими «друзьями в беде» в жизненно важный период становления моей научной карьеры. И сейчас представляется удобный случай упомянуть о моем долге перед Вильямом Фоксвеллом Олбрайтом, который, хотя мы с ним никогда не встречались, тепло отзывался о моих исследованиях, еще на их ранней стадии, в Американском философском обществе. За последние годы Общество Боллингена щедро присудило мне ряд стипендий, давших мне возможность заручиться, по крайней мере, минимально необходимой научной и административной поддержкой. В этом отношении кое-какую помощь оказало и Общество Барта: оно предоставило мне грант, позволивший мне какое-то время работать в собрании Хилпрехта университета Ф. Шиллера.

Позвольте завершить это вступление выражением благодарности своему бывшему ассистенту Эдмунду Гордону, чьи блистательные исследования в области шумерской поучи-

тельной литературы я получил еще до того, как они поступили в печать, и во время их публикации; я признателен также моему ассистенту Мигелю Сивилу, предоставившему мне свои исследования по шумерской лексикографии, медицине и технологии. Джейн Хеймердингер, младший научный сотрудник музея при университете, подготовила Index и помогла во многих отношениях с подготовкой рукописи и ее размещением. И особую благодарность я приношу Гертруде Сильвер, проворной и сведущей машинистке, живой иллюстрации шумерской пословицы: «Писец, чья рука поспевает за ртом, – это писец для тебя».

Глава 1

Археология и расшифровка

Шумер, земля, которую в эпоху классики называли Вавилонией, занимала южную часть Месопотамии и географически примерно совпадала с современным Ираком, простираясь от Багдада на севере до Персидского залива на юге. Территория Шумера занимала около 10 тыс. квадратных миль, немного больше штата Массачусетс. Климат здесь чрезвычайно жаркий и сухой, и почвы по природе выжженные, выветренные и неплодородные. Это речная равнина, и потому она лишена минералов и бедна камнем. Болота поросли мощным тростником, но леса, а соответственно, древесины здесь не было. Вот какова была эта земля, «от которой отрекся Господь» (неудобная Богу), безнадежная и, казалось бы, обреченная на бедность и запустение. Но народ, населявший ее и известный к 3-му тысячелетию до н. э. как *шумеры*, был наделен незаурядным творческим интеллектом и предприимчивым решительным духом. Вопреки природным недостаткам земель, они превратили Шумер в настоящий райский сад и создали то, что было, вероятно, первой развитой цивилизацией в истории человечества.

Шумеры обладали особым техническим изобретательским талантом. Уже древнейшие поселенцы пришли к идее орошения, что дало им возможность собирать и направлять по каналам богатые илом воды Тигра и Евфрата, чтобы орошать и оплодотворять поля и сады. Восполняя отсутствие минералов и камня, они научились обжигать речную глину, запас которой был практически неисчерпаем, и превращать ее в горшки, блюда и кувшины. Вместо древесины они использовали нарезанный и высушенный гигантских размеров болотный тростник, росший здесь в изобилии, вязали его в снопы или плели циновки, а также, применяя глину, строили хижины и загоны для скота. Позже шумеры изобрели изложницу для формовки и обжига кирпича из неисчерпаемой речной глины, и проблема строительного материала была решена. Здесь появились такие полезные орудия, ремесла и технические средства, как гончарный круг, колесо, плуг, парусное судно, арка, свод, купол, медное и бронзовое литье, шитье иглой, клепка и пайка, скульптура из камня, гравирование и инкрустация. Шумеры изобрели систему письма на глине, которая была заимствована и использовалась на всем Ближнем Востоке на протяжении почти двух тысяч лет. Практически все сведения о ранней истории Западной Азии почерпнуты нами из тысяч глиняных документов, покрытых созданной шумерами клинописью, которые были найдены археологами за прошедшие сто двадцать пять лет.

Шумер замечателен не только высокой материальной культурой и техническими достижениями, но также идеями, идеалами и ценностями. Зоркие и разумные, они имели практический взгляд на жизнь и в рамках своего интеллектуального развития никогда не путали факт с вымыслом, желание с воплощением и тайну с мистификацией. Шумерские мудрецы разработали веру и кредо, в известном смысле оставлявшие «богу богово», а также признали и приняли неизбежность ограничений бытия смертных, особенно их беспомощность перед лицом смерти и Божьим гневом. Что касается воззрений на материальное бытие, они высоко ценили достаток и собственность, богатый урожай, полные житницы, овины и конюшни, удачную охоту на суше и хорошую рыбную ловлю в море. Духовно и психологически они делали упор на честолюбие и успех, превосходство и престиж, почет и признание. Житель Шумера глубоко осознавал свои личные права и противился всякому покушению на них, будь то сам царь, кто-либо старший по положению или равный. Неудивительно поэтому, что шумеры первыми установили закон и составили своды, чтобы четко отмеже-

вать «черное от белого» и таким образом избежать непонимания, неверного толкования и двусмысленности.

При всем уважении шумеров к личности и ее достижениям сильнейший дух сотрудничества как между отдельными индивидами, так и между общинами стимулировал некий довлеющий фактор – полная зависимость благополучия Шумера, да и просто его существования, от орошения. Ирригация – сложный процесс, требующий совместных усилий и организации. Каналы приходилось рыть и постоянно ремонтировать, а воду – соразмерно распределять на всех потребителей. Для этого необходима была власть, превосходящая желания отдельного землевладельца и даже целой общины. Это способствовало становлению управленческих институтов и развитию шумерской государственности. Поскольку Шумер в силу плодородия орошаемых почв производил значительно больше зерна, испытывая при этом острый дефицит в металлах, камне и строительном лесе, государство было вынуждено добывать необходимые для экономики материалы либо торговлей, либо военным путем. Поэтому есть все основания полагать, что к 3-му тысячелетию до н. э. шумерская культура и цивилизация проникли, хотя бы в некоторой степени, на восток до Индии, на запад до Средиземноморья, на юг до Эфиопии, на север до Каспия.

Конечно, все это происходило пять тысяч лет назад и может показаться имеющим мало отношения к изучению современного человека и культуры. На самом деле земля Шумера была свидетелем рождения не одной важной черты современной цивилизации. Будь то философ или учитель, историк или поэт, правовед или реформатор, государственный деятель или политик, архитектор или скульптор – каждый наш современник, скорее всего, найдет свой прототип и коллегу в древнем Шумере. Конечно, шумерское происхождение современных реалий сегодня уже невозможно проследить однозначно или с уверенностью: пути взаимопроникновения культур многогранны, запутанны и сложны, и магия соприкосновения с прошлым деликатна и летуча. И все же она очевидна в Законе Моисея и Соломоновых притчах, в слезах Иова и плаче Иерусалима, в грустной истории об умирающем человеке-боге, в космогонии Гесиода и индуистских мифах, в баснях Эзопа и теореме Евклида, в знаке зодиака и геральдическом символе, в весе мины, градусе угла, начертании цифры. Именно истории, социальному устройству, религиозным идеям, практике обучения, литературному творчеству и ценностной мотивации цивилизации древнего Шумера и будут посвящены очерки на следующих страницах. Но сначала небольшое вступление, посвященное археологической реконструкции культуры Шумера и расшифровке его письменности и языка.

Замечательно, что менее века назад ничего не знали не только о шумерской культуре, не подозревали даже о самом существовании шумерского народа и языка. Ученые и археологи, начавшие раскопки в Месопотамии около сотни лет назад, искали вовсе не шумеров, а ассирийцев; об этом народе имелись достаточные, хотя и весьма неточные сведения из греческих и еврейских источников. О шумерах же, их землях, людях и языке, как полагали, ни слова не говорилось во всей доступной библейской, классической и постклассической литературе. Само название – Шумер – оставалось стертым в сознании и памяти человечества на протяжении двух с лишним тысячелетий. Открытие шумеров и их языка было совершенно непредвиденным и неожиданным, и это, казалось бы, незначительное обстоятельство повлекло за собой противоречия, сильно осложнившие и замедлившие дальнейшее развитие шумерологии.

Расшифровка шумерского языка стала возможной через расшифровку семито-аккадского языка, ранее известного как ассирийский или вавилонский, который, как и шумерский, использовал клинопись. Ключ к аккадскому языку был, в свою очередь, найден в древнеперсидском, индоевропейском языке персов и мидян, правивших Ираном на протяжении значительной части 1 – го тысячелетия до н. э. Некоторые представители правящей династии Ахеменидов, по имени ее основателя Ахемена, жившего около 700 г. до н. э., считали поли-

тически необходимым вести записи на трех языках: персидском – своем родном языке, эламском – агглютинативном языке завоеванных и покоренных ими жителей Западного Ирана – и аккадском – семитском языке вавилонян и ассирийцев. Эта группа трехязычных клинописных документов, по содержанию сходных с надписями на египетском Розеттском камне, была найдена в Иране, а не в Ираке, хотя клинопись родилась именно там. Это подводит нас непосредственно к истории исследований и раскопок, позволивших расшифровать клинопись и воссоздать цивилизации Месопотамии. Мы поведаем о них вкратце (за последние десятилетия эта тема многократно и детально обсуждалась), чтобы дать читателю возможность составить цельное представление о сем предмете, а также отдать должное давно ушедшим из жизни исследователям, археологам и кабинетным ученым, каждый из которых, сам того не подозревая, по-своему содействовал выходу книги о шумерах.

Воссоздание культуры ассирийского, вавилонского и шумерского народов, погребенных под заброшенными курганами, или теллями, – высочайшее и потрясающее достижение науки и гуманизма XIX в. Конечно, и в предыдущие столетия появлялись отдельные сообщения о развалинах древней Месопотамии. Так, уже в XII в. раввин из Туделы (королевство Наварра) по имени Бенджамин, сын Ионы, побывал у евреев Мосула и безошибочно определил, что руины близ этого города – остатки древней Ниневии, однако о его догадке стало широко известно только в XVI в. Между тем останки Вавилона были опознаны лишь в 1616 г., когда итальянец Пьетро делла Балле посетил холмы близ современной Хиллы. Этот зоркий путешественник не только великолепно описал руины Вавилона, но и привез в Европу глиняные, испещренные письменах кирпичи, найденные им у холма, который современные арабы называют Телль-Мукаяр, «холм с ямой», скрывающий руины древнего Ура. Так первые образцы клинописи попали в Европу.

Остаток XVII и почти весь XVIII в. многочисленные путешественники с разными точками зрения относительно местоположения и развалин побывали в Месопотамии, и каждый пытался вписать увиденное в библейский контекст. Между 1761-м и 1767 гг. состоялась наиболее значительная экспедиция, когда Карстен Нибур, датский математик, не только скопировал в Персеполе письма, сделавшие возможной расшифровку клинописи, но и впервые дал современникам конкретное представление о руинах Ниневии в набросках и зарисовках. Несколько лет спустя французский ботаник А. Мишо продал в Национальную библиотеку в Париже пограничный камень, найденный близ Ктесифона к югу от Багдада – первый по-настоящему ценный подлинник письма, попавший в Европу. Эта простая надпись, на самом деле содержащая предупреждение нарушителям границ, получила несколько нелепых переводов. Вот один из них: «Небесное войско прольет на нас уксус, чтобы щедро снабдить средством к исцелению».

Примерно в это же время Аббе Бошам, генерал-наместник Багдада и член-корреспондент Академии наук, вел тщательные и точные наблюдения того, что видел вокруг себя, особенно на руинах Вавилона. Наняв нескольких местных рабочих под началом мастера-каменщика, он фактически осуществил первые археологические раскопки в Месопотамии ради скульптуры, ныне известной как «Вавилонский лев» и до сих пор выставленной там на обозрение современным туристам. Он первым описал Ворота Иштар, изумительный фрагмент которых сегодня можно увидеть в разделе Ближнего Востока Берлинского музея; он также упоминает о находке цилиндров из твердых материалов с надписями, похожими, по его мнению, на письма из Персеполя. Мемуары о его путешествиях, опубликованные в 1790 г., были практически мгновенно переведены на английский и немецкий языки и стали сенсацией в ученом мире.

Искра, брошенная Аббе Бошамом, имела свои последствия: Ост-Индская компания в Лондоне снарядила своих агентов в Багдад, чтобы провести археологическую разведку и выяснить перспективы. И вот в 1811 г. Клаудиус Джеймс Рич, представитель Ост-Индской

компании в Багдаде, занялся исследованием и составлением карты руин в Вавилоне и даже провел в некоторых местах пробные раскопки. Спустя девять лет Рич появился в Мосуле, где сделал зарисовки и провел исследования огромных холмов древней Ниневии. Он собрал множество табличек, кирпичей, пограничных камней и цилиндров с надписями; среди них были и знаменитые цилиндры Навуходоносора и Синнаххериба, надписи с которых тщательно скопировал его секретарь Карл Беллино и отправил эпиграфисту Гротефенду для расшифровки. Коллекция Рича составила ядро обширного собрания месопотамских древностей Британского музея.

Рич умер в возрасте тридцати четырех лет, но две книги его мемуаров о руинах Вавилона с иллюстративным материалом и образцами надписей остались и, можно сказать, ознаменовали рождение ассириологии и примыкавшего к ней изучения клинописи. За ним последовал Роберт Кер Портер, сделавший точные художественные репродукции части месопотамских развалин, а также план внутренней территории руин Вавилона. В 1828 г. Роберт Миньян произвел беглые раскопки руин Вавилона, где Рич работал в 1811 г., он нанял 30 человек, расчистил площадку 12 квадратных футов на глубину 20 футов и первым нашел цилиндр, испещренный выбитыми на нем надписями. Наконец, в 30-х гг. XIX в. двое англичан, Дж. Бэйли Фрейзер и Вильям Ф. Айнсворт, посетили ряд городов в Южной Месопотамии, однако им и в голову не приходило, что эта территория была частью древнего Шумера.

Мы добрались до обширных и относительно систематических раскопок в Ираке, начатых в 1842 г. Полем Эмилем Ботта, французским консулом в Мосуле, и продолжающихся с некоторыми перерывами по сей день. Поначалу они велись в Северной Месопотамии, на территории, известной как Ассирия, и тысячи найденных там документов были написаны на аккадском языке. Однако в период раскопок об этом еще не знали; можно было сказать лишь то, что начертание походило на письмо третьего класса трехязычных надписей из Ирана, преимущественно из Персеполя и его окрестностей. В Персеполе все еще возвышались руины роскошного дворца с обилием высоких, хорошо сохранившихся прекрасных колонн, а также разбросанные тут и там различные скульптурные изображения. Город окружали великолепно украшенные гробницы, расположенные в скалах. Многие памятники Персеполя пестрели надписями, к концу XVIII в. признанными схожими с надписями на кирпичиках из Вавилона. Более того, к середине XIX в. одна из трехязычных надписей была расшифрована и обеспечила перечень имен собственных, способствовавших дешифровке третьей группы писем, которые, в свою очередь, позволяли прочесть ассирийские таблички, найденные в Ираке. Однако, чтобы проследить ход расшифровки аккадского письма, нужно сначала иметь представление о расшифровке трехязычных надписей первого класса из Персеполя и характере полученной из них информации.

О руинах Персеполя в Европе узнали в XVI в., когда в 1543 г. в Венеции были опубликованы путевые заметки венецианского посла в Персии Джосифата Барбаросы, где он с восхищением говорил об увиденном. Надписи на памятниках впервые были упомянуты в вышедшей в Лиссабоне в 1611 г. книге Антонио де Гуэка, первого посла Испании и Португалии в Персии; он говорил, что надписи не похожи ни на персидское, ни на арабское, ни на армянское, ни на еврейское письмо. Его преемник дон Гарсиа Силва Фигуероа в книге, опубликованной в Антверпене в 1620 г., был первым, кто, пользуясь описанием Диодоруса Сикулюса, отождествил остатки Персеполя с дворцом Дария, правителя из династии Ахеменидов. Он также указывает, что письма на памятниках отличаются от халдейских, еврейских, арабских и греческих, что формой они напоминают вытянутый треугольник, схожий с пирамидой, и что все знаки одинаковы и отличаются только положением.

В письме, датированном 21 октября 1621 года, Пьетро делла Балле сообщает, что он обследовал руины Персеполя и даже скопировал (как оказалось, неверно) пять надписей; он также предположил, что читать их следует слева направо. В 1673 г. молодой французский

художник Андре Долье Десланд напечатал первое точное гравюрное изображение дворца в Персеполе, скопировав только три надписи; он поместил их на гравюре таким образом, что они, казалось, выполняли исключительно декоративную функцию, – в соответствии с широко принятой в XVIII в. теорией. В 1677 г. англичанин сэр Томас Герберт, служивший около 50 лет до того британским послом в Персии, опубликовал довольно плохую копию того, что должно было быть отрывком, содержащим три строки, и что на деле оказалось сборной солянкой из абсолютно разных текстов. Его характеристика письма, однако, не лишена исторического интереса: «Знаки странной и необычной формы – и не буквы, и не иероглифы. Мы так далеки от их понимания, что не способны даже составить четкое суждение о том, слова это или знаки. Все же я склоняюсь к первому варианту, полагая их полноценными словами, либо слогами, как в брахиологии или стенографии, привычно нами практикуемых».

В 1693 г. была опубликована сделанная Самюэлем Флауэром, агентом Ост-Индской компании, копия надписи из Персеполя, которая состояла из двух строк и двадцати знаков. Ее сочли подлинной, хотя на самом деле она содержала двадцать три отдельных знака из разных надписей, – ошибка, которая тем не менее не смутила и не поставила в тупик ни одного из тех, кто попытался расшифровать надпись. В 1700 г. письмо, наконец, обрело свое название – «клинопись», с тех пор навсегда прочно закрепившееся за ним. Это произошло благодаря Томасу Хайду, написавшему книгу по истории религии Древней Персии; в этой книге он воспроизвел текст Флауэра и описал его знаки, назвав характер письма «клинописью». К сожалению, он не верил, что знаки предназначались для передачи осмысленной речи, а полагал, что они являются только украшением и орнаментом.

Первый полный свод надписей Персеполя был опубликован только в 1711 г. Жаном Шарденом, натурализованным англичанином, посетившим Персеполь трижды за свою молодость. Три года спустя Карнель Лебрэн издал довольно точные копии трех трехязычных надписей. Однако только Карстен Нибур реально открыл путь к расшифровке персидских писмен. В 1778 г. он публикует выверенные, точные копии также трех трехязычных надписей из Персеполя; он указывает, что их следует читать слева направо, что каждая из трех надписей содержит три разных вида клинописи, обозначенные им как «класс I», «класс II» и «класс III» и, наконец, что класс I представляет собой алфавитную систему, т. к. содержит всего сорок два знака, в соответствии с его систематизацией. К сожалению, он придерживался мнения, что три класса письма не являлись тремя языками, а были разновидностями одного языка. В 1798 г. Фридрих Мюнтер, другой датчанин, сделал важнейшее наблюдение, что нибуровский класс I был алфавитной системой, классы же II и III были силлабическим и идеографическим соответственно, и что каждый класс представлял не только иную форму, но и иной язык.

Итак, теперь основа для расшифровки была налицо: точные копии ряда надписей, каждая из которых была одновременно самостоятельной формой и языком, к тому же первая была верно определена как алфавитная. Но сама расшифровка заняла добрые полвека и могла бы вовсе не состояться, если бы не двое ученых, которые невольно внесли большой вклад в этот процесс публикацией научных трудов, не имевших непосредственного отношения к клинописи Персеполя, и оказали тем самым неоценимую помощь дешифровщикам. Один из них, француз А.Г. Анкетий-Дюперрон, провел долгое время в Индии, собирая манускрипты Авесты, священной книги зороастрийцев, и обучаясь чтению и переводу ее языка – древнеперсидского. Его публикации на эту тему появились в 1768-м и 1771 гг. и дали расшифровщикам клинописи некоторое представление о древнеперсидском языке, оказавшееся бесценным для прочтения класса I трехязычных надписей, т. к. главенствующее положение текста давало полное основание полагать, что это древнеперсидский. Другой ученый, Сильвестр де Саси, в 1793 г. опубликовал перевод текстов Пахлави, найденных в окрестно-

стях Персеполя, которые, хотя и датировались несколькими веками позже, чем клинописные тексты Персеполя, укладывались в более или менее четкую схему, которая, вероятно, могла также лежать в основе и более ранних памятников. Схема была такова: X, великий царь, царь царей, царь..., сын Y, великого царя, царя царей...

Вернемся к расшифровке персепольских надписей. Первую серьезную попытку предпринял Олаф Герхард Тихсен, который, изучая письмо класса I, верно распознал четыре знака и признал один из них, наиболее часто встречающийся, словоразделителем, что позволило установить начало и конец каждого слова; помимо этих, он сделал еще несколько остроумных наблюдений. Однако он ошибочно полагал, что надписи относятся к Парфянской династии, т. е. младше на полтысячи лет, чем их реальный возраст, поэтому его переводы оказались чистым домыслом и были в корне неверны.

Тихсен опубликовал свои результаты в 1798 г. В том же году Фридрих Мюнтер в Копенгагене представил в Датское королевское общество наук две работы с доказательством того, что документы Персеполя принадлежали династии Ахеменидов, – факт чрезвычайной важности для расшифровки письма. Однако сам Мюнтер не преуспел в попытках его прочтения. Это сделал учитель греческого языка гимназии в Геттингене, сумевший проделать то, что другим оказалось не под силу, и приобретший славу расшифровщика персидских клинописных надписей, т. е. первого из трех классов системы Нибура. Он начал с наиболее часто повторяющихся знаков и предположил, что это гласные. Он взял образец текста Пахлави из публикации Де Саси и с его помощью выявил места, где наиболее вероятным было появление имен царя, воздвигшего памятник, и его отца, а также слов «царь» и «сын». Далее он манипулировал известными именами царей из династии Ахеменидов, учитывая в первую очередь их длину и помещая в соответственные места; попутно он использовал подходящие слова из трудов Анкетий-Дюперрона по древнеперсидскому языку, пытаясь прочесть и другие слова текста. Таким образом ему удалось правильно распознать десять знаков и три имени собственных и предложить перевод, который, хотя и с большим числом ошибок, все же верно передавал идею содержания.

Выдержки из работы Гротефенда по дешифровке появились в печати в 1802 г., а тремя годами позже она вышла полностью. Работа получила высокую оценку Тихсена, Мюнтера и особенно Рича, продолжавшего присылать ему копии клинописных документов, найденных на развалинах Вавилона и Ниневии. Но Гротефенд преувеличил свои достижения, заявив, что распознал гораздо больше знаков, чем было на самом деле, и представив полные, но недостоверные транслитерации и переводы, способные возбудить в некоторых его коллегах только чувство недоумения. И все же он был на верном пути, что в течение последующих десятилетий напрямую и косвенно подтвердилось усилиями ряда ученых, вносивших в общий труд свои коррективы. А.Ж. Сен-Мартен, Расмус Раек, Эжен Бюрнуф и его ближайший друг и соратник Кристиан Лассен – вот только самые значительные имена. Но для полного понимания древнеперсидского языка и окончательной расшифровки всех знаков персепольские надписи были слишком коротки и не давали достаточного по объему и семантике словарного запаса для проверки и контроля. Это подводит нас к ключевой фигуре на раннем этапе изучения клинописи, блестящему, наделенному интуицией и проницательностью англичанину, имя которого Генри Кресвик Раулинсон, а также к замечательному факту, когда два человека независимо друг от друга расшифровали ряд документов, руководствуясь практически идентичными критериями.

Г.К. Раулинсон, состоявший на службе Британской армии в Персии, заинтересовался клинописными надписями, рассеянными по всей Персии. Он стал копировать некоторые из трехязычных образцов, особенно надписи на горе Альванд близ Хамадана и на Бехистунской скале примерно в двадцати милях от Керманшаха.

Первая представляла собой две короткие записи, скопированные им в 1835 г.; и, ничего не зная о работе Гротефенда, де Саси, Сен-Мартена, Раска, Бюрнуфа и Лассена, он сумел прочесть их, применяя тот же метод, что и Гротефенд и его последователи. Он, однако, понимал, что для того, чтобы распознать все знаки этих надписей и верно их прочесть, необходимо большее количество имен собственных. И он нашел их на Бехистунской скале, в надписи из многих сотен трехязычных строк, выбитых на специально подготовленной поверхности скалы площадью свыше 1200 квадратных футов, которая также частично была заполнена низким скульптурным рельефом. К несчастью, этот памятник был расположен на высоте более 300 футов над уровнем земли, и добраться туда не было никакой возможности. Поэтому Раулинсону пришлось соорудить специальную лестницу, и время от времени, желая получить как можно более полную копию, он болтался на веревках напротив скалы.

В 1835 г. он начал копировать персидские колонки из трехязычных бехистунских текстов; их было пять, и содержали они 414 строк. Работа продолжалась с некоторыми перерывами более года, вплоть до 1837 г., когда он скопировал уже около 200 строк, т. е. примерно половину, и с помощью классических авторов и средневековых географов сумел прочесть некоторые географические названия из нескольких сотен, содержащихся в надписи. К 1839 г. он познакомился с трудами своих европейских коллег и с помощью полученной дополнительной информации успешно перевел первые 200 строк древнеперсидской части бехистунского текста. Ему хотелось скопировать всю надпись с Бехистунской скалы до мелочей, но его обязанности военного прервали эти усилия, и вернуться к любимому занятию он смог уже только в 1844 г. В тот год он вернулся в Бехистун, полностью завершил копию 414 строк древнеперсидской надписи и скопировал все 263 строки второй, эламской, как это теперь известно, версии. В 1848 г. он отослал свою рукопись с копиями, транслитерацией, переводом, комментариями и примечаниями из Багдада в Королевское азиатское общество и таким образом подвел под расшифровку древнеперсидских текстов абсолютно достоверный фундамент. Этот факт еще раз подтвердился, когда в том же году блестящий ирландский лингвист Эдвард Хинкс опубликовал работу по материалам собственного доклада двухлетней давности, где он предвосхитил многие существенные наблюдения, самостоятельно сделанные Раулинсоном. С тех пор были внесены лишь незначительные изменения, дополнения и поправки, среди которых следует отметить вклад ученика Лассена, Юлиса Опперта, в 1851 г. Хинкс, Раулинсон и Опперт – «святая троица» науки о клинописи – не только подвели твердую основу под древнеперсидский язык, но и расчистили путь для расшифровки аккадского и шумерского языков, открыв, таким образом, пыльные страницы глиняных «книг», погребенных в обширных землях Ближнего Востока.

Обратимся же вновь к большим систематическим раскопкам в Месопотамии, приведшим к расшифровке аккадского и шумерского языков. В 1842 г. Поль Эмиль Ботта получает назначение в Мосул в качестве французского посла. Сразу по приезде он начал раскопки на двух холмах, Куянджик и Неби-Юнус, скрывающих остатки Ниневии. Это не дало результатов, и он переключил свое внимание на Хорсабад, немного севернее холма Куянджик, где, выражаясь языком археологов, напал на золотую жилу: руины Хорсабада скрывали дворец могущественного Саргона II, правившего Ассирией в первой четверти VIII в. до н. э. (хотя, конечно, тогда археологи еще не знали об этом); земля изобиловала ассирийской скульптурой, фризами, рельефами, многие из которых были покрыты клинописными текстами. Лишь три года спустя англичанин Остен Генри Лэйярд впервые занялся раскопками в Нимруде, затем в Ниневии и снова в Нимруде. Помимо царского дворца, покрытого низкими рельефами, он нашел в Ниневии библиотеку царя Ашшурбанипала, правнука Саргона II, состоящую из тысяч табличек и фрагментов с лексическими, религиозными и литературными трудами древних. Таким образом, к середине XIX в. Европа обладала сотнями клинописных текстов, в основном из Ассирии, вызывающих о прочтении, но и представляющих сложно-

сти и препятствия по тем временам непреодолимые. И все же, преимущественно благодаря гению и проницательности Хинкса, Раулинсона и Опперта, потребовалось не более десятилетия или около того, чтобы расшифровка стала достоверным фактом.

По правде сказать, у потенциальных расшифровщиков теперь было преимущество. Задолго до начала экспедиций Ботта и Лэйярда в Европу поступало ограниченное количество текстов того или иного характера, в основном с руин Вавилона, и письмо это причисляли к классу III, в соответствии с классификацией Нибура персепольских трехязычных памятников. К сожалению, этот класс III, вполне оправданно считавшийся переводом текстов класса I, требовал кропотливой работы по расшифровке.

Во-первых, персепольские надписи были чересчур краткими, чтобы позволить понять систему языка. Далее, даже поверхностный анализ наиболее протяженных вавилонских текстов, имевшихся на тот момент, делал очевидным тот факт, что они состоят из сотен и сотен знаков, тогда как I класс трехязычных надписей содержал только 42, что делало невозможным проследить все имена и слова, казавшиеся идентичными. Наконец, в самом вавилонском списке одинаковые знаки сильно различались по очертаниям и формам. Поэтому неудивительно, что первые попытки расшифровать вавилонские письма оказались бесплодны.

В 1847 г. был сделан заметный шаг вперед, причем, что вполне закономерно, Эдвардом Хинксом. При помощи копии сравнительно длинной древнеперсидской версии бехистунского списка, содержавшего солидное количество имен собственных, ему удалось прочесть ряд гласных, слогов и идеограмм, а также первое вавилонское слово, не являвшееся именем собственным, – местоимение а-на-ку – «я», практически идентичное иврите кому аналогу. Однако его основное открытие, оказавшееся поворотным в расшифровке, произошло только в 1850 г. и в некоторой степени опиралось на наблюдения Ботта, который, не ограничившись раскопками, опубликовал в 1848 г. чрезвычайно подробное исследование о клинописных знаках. Ботта не пытался прочесть ни слова, хотя и преуспел в понимании значения нескольких идеограмм. Его основной вклад касался вариантов. После тщательного изучения и детального документирования он показал, что существует немалое число слов, которые, несмотря на сходное звучание и значение, написаны по-разному. Это попутное наблюдение о наличии вариантов написания и проложило путь работе Хинкса 1850 г., в которой он одним махом сумел объяснить тот невероятный факт, что вавилонский список содержал сотни знаков, и обосновал существование такого огромного количества вариантов. Ассиро-вавилонский (или, как он теперь назывался, аккадский) текст, утверждал Хинкс, имел не алфавитную систему, а слоговую и идеографическую, т. е. знаки могли быть слогами (согласный плюс гласный, и наоборот, или согласный плюс гласный плюс согласный), объединенными различными способами в слова, либо один знак мог обозначать слово целиком.

Этот новый взгляд на вавилонское письмо значительно подстегнул расшифровку. И все же впереди были еще два важнейших лингвистических открытия, и оба они стали результатом усилий и изысканий другого нашего знакомого, Раулинсона. В 1847 г. он снова путешествовал из Багдада в Бехистун и с риском для жизни и конечностей перенес на бумагу вавилонскую версию, снабдившую его 112 строками, готовыми к расшифровке при помощи уже расшифрованного к тому моменту древнеперсидского текста. Более того, в процессе работы он обнаружил еще одну существенную черту вавилонского письма, «полифонию», когда один и тот же знак мог означать более одного звука или «единицы» (достоинства). В результате Раулинсон теперь сумел правильно прочесть около 150 знаков; он знал, как читаются и что означают почти 200 слов языка, который – теперь это стало совершенно очевидно – был семитским; он даже мог дать его примерную грамматическую схему.

Гениальные выводы Раулинсона были опубликованы в 1850–1851 гг. В 1853 г. Хинкс, опираясь на них, успешно пополнил список еще сотней с лишним новых значений вавилонского письма, и теперь стало возможным прочтение почти 350 единиц текста. Но принцип

полифонии, привлеченный к расшифровке, вызывал сомнения, подозрения и протест в ученых кругах, нападки на переводы Хинкса – Раулинсона как предвзятые и никчемные. Было трудно поверить, что древние люди обладали системой письма, где один и тот же знак мог обладать многими значениями, т. к. это, предположительно, могло сбить с толку читателя настолько, чтобы задача казалась невыполнимой. В этот трагический момент Юлис Опперт, последний из триумvirата, пришел на помощь. В 1855 г. он дал общий обзор состояния дел по расшифровке на тот день, указал на правильность прочтений Хинкса – Раулинсона и добавил ряд новых знаков, имеющих более одного значения. Он первым дал тщательный анализ силлабария, подготовленного самими древними писцами на табличках, найденных при раскопках библиотеки Ашшурбанипала в Ниневии, и широко применил его при переводе.

Его многочисленные трактаты, редакция текстов и полемика помогли утвердиться новой науке, теперь общеизвестной под названием *ассириология* (на основании того факта, что наиболее ранние раскопки велись в Северном Ираке, земле ассирийского народа), и внушить к ней глубокое уважение.

Судьбоносным, полным ярких событий 1857 г. стал для ассириологии. Все началось с выступления непрофессионального ассириолога, В.Ф. Фокса Тальбота – математика и изобретателя. Его исследования интегрированных расчетов легли в основу современной фотографии; но он был также любителем-ориенталистом. Он изучал публикации Раулинсона и Хинкса и даже опубликовал свои переводы некоторых ассирийских текстов. Достав где-то еще неопубликованную копию надписи времен ассирийского царя Тиглатпаласара I (1116–1076), он выполнил перевод и 17 марта 1857 г. в конверте с печатью отправил его в Королевское азиатское общество. Одновременно он предложил пригласить Хинкса и Раулинсона подготовить самостоятельные переводы того же текста и так же, в запечатанном виде, представить их Обществу, чтобы получить возможность сравнить три независимых перевода. Общество так и поступило, послав приглашение также Юлису Опперту, находившемуся в то время в Лондоне. Все трое приняли предложение, и два месяца спустя печати на четырех конвертах с переводами были взломаны специально назначенным комитетом в составе пяти членов Королевского азиатского общества. Был опубликован отчет, где помимо всего прочего говорилось, что переводы Раулинсона и Хинкса были наиболее схожи, перевод Тальбота был туманен и неточен и что перевод Опперта был значительно аннотирован и часто сильно отличался от версии его английских коллег. В целом вердикт был благоприятен для ассириологии; сходство четырех переводов было налицо, и надежность расшифровки подтвердилась.

Два года спустя, в 1859 г., Опперт опубликовал одну из наиболее важных научных работ «Расшифровка клинописных текстов». Это было настолько ясное, доступное и авторитетное свидетельство ассириологии и ее достижений, что все нападки прекратились. В течение следующих десятилетий целый ряд ученых, особенно во Франции, Англии и Германии, издавали статьи, монографии и книги по всем направлениям новой дисциплины: языку, истории, религии, культуре и пр. Тексты копировались и публиковались тысячами. Составлялись перечни знаков, глоссарии, словари и грамматические справочники, писались бесчисленные сугубо специальные статьи по грамматике, синтаксису и этимологии. Таким образом, изучение ассирийского языка, поначалу называемого вавилонским и теперь постепенно переименованного в аккадский – термин, происхождением обязанный самоназванию месопотамцев, – развивалось и зрело. Результатом явилось то, что теперь, в 1963 г., в процессе издания находятся два самостоятельных многотомных словаря: первый, на английском языке, издается Институтом востоковедения Чикагского университета, второй – на немецком, под международным патронажем. Это венец более чем столетних научных накоплений.

Вавилонский! Ассирийский! Аккадский! И ни слова о Шумере и шумерах, а ведь книга посвящена именно им. К сожалению, до середины прошлого века никто не знал о существовании шумеров и шумерского языка. И нам следует шаг за шагом проследить тот путь, который привел к довольно удивительному и неожиданному пониманию, что народ, именуемый шумерами, когда-то населял Месопотамию. В 1850 г. Хинкс сделал сообщение в Британской ассоциации развития науки, в котором выразил некоторые сомнения относительно общего предположения о том, что клинописную грамоту изобрели населявшие Ассирию и Вавилонию семиты, которые этой грамотой пользовались. В семитских языках устойчивым элементом являются согласные, а гласные чрезвычайно вариабильны. Поэтому представляется неестественным, что семиты изобрели силлабическую систему орфографии, где гласные и согласные равно устойчивы. Существенной особенностью семитских языков является разница между мягкими и твердыми палатальными и дентальными, клинописный же силлабрий отражает эту особенность неадекватно. Далее, если клинопись изобрели семиты, должна быть прямая взаимосвязь между значениями слоговых знаков и семитскими словами. Однако такие случаи крайне редки; было очевидно, что подавляющее количество слоговых значений клинописных знаков восходило к словам либо элементам, не имеющим семитского эквивалента. И Хинкс заподозрил, что клинописная система письма была изобретена каким-то несемитским народом, предшествовавшим семитам Вавилонии.

Впрочем, довольно о Хинксе и его подозрениях. Два года спустя, в 1852 г., из заметки, опубликованной Хинксом, мы узнаем о том, что Раулинсон, изучив силлабрии, раскопанные в Куянджике, пришел к заключению об их двуязычии, так что семитские вавилонские слова в них поясняли соответствующие слова совершенно нового, неизвестного доселе языка. Этот язык он назвал аккадским и причислил его «к скифским или тюркским». Здесь мы впервые узнаем о возможности существования несемитского народа и несемитского языка в Месопотамии. В 1853 г. сам Раулинсон прочел лекцию в Королевском азиатском обществе, где утверждал наличие одноязычных клинописных текстов на кирпичках и табличках в некоторых местах Южной Вавилонии, написанных на «скифском» языке. Двумя годами позже на лекции в том же Обществе он описал в некоторых деталях двуязычные силлабрии Куянджика, полагая, что это «были ни более, ни менее чем сравнительные алфавиты, грамматики и словари ассирийского и скифского наречий. Вавилонские скифы, чье этническое название – аккадцы, вероятно, и являются изобретателями клинописи». Именно эти аккадцы, продолжал Раулинсон, «построили примитивные храмы и столицы Вавилона, поклоняясь тем же богам и населяя те же края, что и их наследники-семиты; но у них, похоже, разная номенклатура, как мифологическая, так и географическая». Что до языка этих «вавилонских скифов», куянджикские таблички, сказал Раулинсон, «дают тома сравнительных примеров и дословного перевода». Результатом его исследований этого «примитивного» языка по двуязычным текстам стало заключение, что «вряд ли существует прямая преемственность между этим примитивным языком и каким-либо из ныне существующих диалектов. Именная система несколько ближе к монгольскому и маньчжурскому типам, нежели к любой другой ветви семьи тюркских языков, но лексика их либо мало схожа, либо несхожа вовсе». Короче, Раулинсон абсолютно точно утверждал существование шумеров и их языка, хотя и называл их несколько ошибочно поначалу вавилонскими скифами, а потом аккадцами – термином, применяемым сегодня к семитам данной территории.

Правильным названием несемитского народа, изобретшего клинопись, мы обязаны гению Юлиса Опперта, чей вклад во все аспекты ассириологии, особенно в изучение силлабриев, было выдающимся.

17 января 1869 г. Опперт прочитал лекцию на этнографической и исторической секции Французского общества нумизматики и археологии, в которой объявил, что этот народ и его язык следует называть шумерами, основывая свои выводы на заголовке «Царь Шумера и

Аккада», найденном в надписях времен ранних правителей; ибо, вполне справедливо утверждал он, названием Аккад именовался семитский народ Ассирии и Вавилонии, следовательно, название Шумер относится к несемитскому населению. Опперт даже пошел дальше в своих утверждениях на лекции: анализ структуры шумерского языка привел его к выводу о его близком родстве с турецким, финским и венгерским языками, – блистательное проникновение в структуру языка, который еще двадцать лет назад не существовал для научного мира.

Название «шумерский» не сразу было воспринято большинством ученых, занимавшихся клинописью, и термин «аккадский» был в употреблении на протяжении еще нескольких десятилетий. На самом деле был один известный ориенталист, Жозеф Галеви, который, вопреки всей очевидности обратного, отрицал самое существование шумерского народа и языка. Начиная с 1870-х гг. и в течение более трех десятилетий он публиковал статью за статьей, настаивая на том, что ни один народ, кроме семитов, никогда не владел Вавилоном и что так называемый шумерский язык был всего лишь искусственным изобретением самих семитов, предназначенным для иератических и эзотерических целей. Очень недолгий период его даже поддерживали несколько маститых ассириологов. Но все это сейчас не более чем историческая подробность, потому что вскоре после дальновидных заключений Опперта относительно несемитского происхождения народа Вавилона и его языка начались раскопки в двух точках Южной Вавилонии. Эти раскопки и утвердили шумеров на карте: статуи и стелы рассказали об их физическом облике, а бесчисленные таблички и надписи – об их политической истории, религии, экономике и литературе.

Первые масштабные раскопки поселения шумеров было начаты в 1877 г. в местности Телло, на руинах древнего Лагаша, французами под руководством Эрнеста де Сарзека. В период между 1877-м и 1900 гг. де Сарзек провел одиннадцать кампаний и успешно извлек множество статуй, в основном Гудеа, стел, из которых наиболее значительны цилиндры Гудеа и тысячи табличек, многие из которых восходят к династии Ур-Нанш. В 1884 г. была начата публикация огромного тома «Открытия в Халдее Эрнеста де Сарзека» Леона Хьюзи в сотрудничестве с выдающимися эпиграфистами Артуром Амио и Франсуа Туро-Данже-ном. Французы периодически возобновляли раскопки в Лагаше: с 1903-го по 1909 г. под руководством Гастона Кро; с 1929-го по 1931 г. – под руководством Генри де Женуйяка и с 1931-го по 1933 г. – Андре Парро. Всего французы провели в Лагаше 20 полевых кампаний. Итоги кратко суммированы в наиболее ценном справочнике Андре Парро «Телло» (1948), где также дана полная подробная библиография всех публикаций, так или иначе имеющих отношение к этим раскопкам.

Вторые крупные раскопки шумерского поселения проводились Пенсильванским университетом. Это была первая американская экспедиция такого рода в Месопотамии. На протяжении 80-х гг. XIX в. в американских университетских кругах велись дискуссии о целесообразности американской экспедиции в Ирак, где британцы и французы делали столь невероятные открытия. И только в 1887 г. Джону П. Петерсу, профессору иврита Пенсильванского университета, удалось добиться моральной и финансовой поддержки университетских и околоуниверситетских лиц с целью снабжения и поддержки археологической экспедиции в Ирак. Выбор пал на Ниппур, один из самых больших и важных холмов Ирака, где и состоялись четыре долгие и изнурительные кампании в период с 1889-го по 1900 г. – первая под руководством Петерса, затем Дж. Хейнса (поначалу фотографа экспедиции) и, наконец, под началом известного ассириолога Х.В. Хилпрехта, бывшего эпиграфиста в первой поездке.

Трудности и неудачи преследовали экспедицию. Один молодой археолог погиб в поле, и не было года, когда тот или иной член группы не перенес бы тяжелую болезнь. Тем не менее, несмотря на препятствия, раскопки продолжались, и экспедиция достигла огромных,

в некотором роде даже уникальных результатов. Главные достижения сосредоточились в сфере письменности. В ходе работы ниппурская экспедиция нашла около тридцати тысяч табличек и фрагментов, большая часть которых написана на шумерском языке и возраст которых исчисляется более чем двумя тысячами лет, начиная со второй половины 3-го до последнего века 1-го тысячелетия до н. э. Публикации некоторых материалов начались уже в 1893 г. в соответствии с перспективным и долгосрочным планом Хилпрехта, где помимо него самого предполагалось участие многих ученых. Не все запланированные тома увидели свет; как случается со многими грандиозными проектами, возникли непредвиденные обстоятельства и сложности, помешавшие его полному осуществлению. Но внушительное количество томов все же появилось, и эти публикации оказали неоценимую помощь исследователям клинописи. Это возвращает нас к разговору о шумерологии и ее развитии в период, последовавший за открытиями трех ее пионеров: Хинкса, Раулинсона и Опперта.

До раскопок в Лагаше и Ниппуре практически весь исходный материал для изучения шумеров и их языка состоял из двуязычных силлабариев и подстрочников, найденных в библиотеке Ашшурбанипала на руинах Ниневии, и затем опубликованных в различных разделах пяти увесистых томов, озаглавленных «Клинописные надписи Западной Азии» под редакцией Раулинсона. Но этот материал датируется VII в. до н. э., спустя более чем тысячелетие после исчезновения шумерского народа как политического единства и шумерского языка как языка живого. Конечно, были образцы письменности с места раскопок шумерских поселений, доступные в Европе, но они представляли собой в основном серию кирпичей, табличек и цилиндров шумерского и постшумерского периодов, попавших в Британский музей и малосодержательных. Раскопки в Лагаше и Ниппуре предоставили в распоряжение ученых тысячи непосредственно шумерских надписей, которые теперь можно было попытаться перевести и интерпретировать с помощью весьма приблизительных грамматических правил и лексических данных, добытых на материале кундджикских двуязычных силлабариев и подстрочников. Подавляющее большинство надписей из Лагаша и Ниппура носило административный, экономический и правовой характер, с описями всех видов и размеров, письменные обязательства (расписки) и рецепты, акты продаж, брачные контракты, завещания и судебные решения. И по этим документам можно было составить некоторое представление о социальной и экономической системе шумерского общества. Эти документы также содержали сотни имен людей, божеств и мест, представлявших определенную ценность для изучения религии шумеров. Еще более ценными стали сотни текстов клятв на статуях, стенах, конусах и табличках, которые были принципиально важны для изучения шумерской политической истории. Многие лексические и грамматические, особенно найденные в Ниппуре, тексты – предшественники более поздних двуязычных надписей из Кундджика – стали бесценным материалом для изучения шумерского языка. Наконец, в Ниппуре были найдены тысячи табличек и фрагментов с шумерскими литературными текстами; и хотя они оставались малопонятными в течение многих десятилетий после их обнаружения, Хилпрехт, ознакомившись и зарегистрировав большое их количество, осознал их значение для истории религии и литературы. Не будет преувеличением утверждать, что прямым следствием раскопок в Лагаше и Ниппуре стала возможность публикации в 1905 г. эпохального труда Франсуа Туро-Данжена («Письменные памятники Шумера и Аккада») и Арно Пёбеля («Основы шумерской грамматики») в 1923 г.

Конечно, оба эти труда ученые построили на усилиях и вкладах своих предшественников и современников; в науке не существует иного пути для развития продуктивной научной деятельности. Назовем лишь нескольких наиболее выдающихся личностей. Это англичанин А.Х. Сэйс, издавший в 1871 г. первый моноязычный шумерский документ, а именно надпись Шульги, содержащую двенадцать строк, а также указавший в подробном филологическом комментарии на несколько важных особенностей шумерского языка. Это и Франсуа

Ленорман с его монументальными «Аккадскими исследованиями (очерками)», начатыми в 1873 г. Это и Пауль Хаупт, который скопировал множество шумерских двуязычных и моноязычных надписей в Британском музее и внес существенный вклад в изучение шумерской грамматики и лексикографии. Далее, Р.Е. Бруннов: он составил перечень шумерских знаков и их прочтений и на материале доступных в то время двуязычных табличек создал наиболее полный словарь шумерских слов, имеющий принципиальную важность для всех лексикографов с момента опубликования в 1905 гг. до наших дней, хотя он и дополнен рядом глоссариев, подготовленных другими учеными, чтобы идти в ногу со временем. Это Ж.Д. Принс, опубликовавший первый существенный шумерский лексикон в 1905 г.; и Фридрих Делитцш, составивший шумерскую грамматику и шумерский глоссарий, основанный скорее на корнях слов, нежели на отдельных знаках и правилах их чтения.

Но именно «Письменные памятники Шумера и Аккада» Туро-Данжена 1905 г. издания и появившийся уже через два года перевод на немецкий язык под названием «Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften» («Надписи шумерских и аккадских царей») оказались поворотным пунктом в развитии науки о шумерах. Это блистательный компендиум прямых переводов и лаконичных примечаний, мастерский дистиллят накопленных шумерологией знаний на тот момент времени, полностью лишенный личного, оригинального вклада Туро-Данжена; и даже спустя пять десятилетий изучения клинописи этот труд остается непревзойденным и, вероятно, таковым останется. «Основы шумерской грамматики» Пёбеля стали для шумерской грамматики тем же, чем была книга Туро-Данжена для политической истории и религии. Основанная на кропотливом, тщательном, всеохватном и дотошном изучении шумерских текстов, как двуязычных, так и моноязычных, всех периодов «классического» языка 3-го тысячелетия до н. э. вплоть до позднего «литературного» шумерского языка 1-го тысячелетия до н. э. (переводы надписей с 1-го по 35-е приложений в основном опираются на эти исследования), «Грамматика» Пёбеля отличается твердой логикой в выявлении фундаментальных принципов и правил шумерской грамматики, иллюстрируя их по существу и, по возможности, наиболее полно. Результатом самостоятельных исследований Пёбеля, а также других ученых, особенно Адама Фалькенштейна и Торкилда Якобсена, стал ряд дополнений и уточнений, и предстоящие исследования в свое время, несомненно, выльются в модификации некоторых положений «Грамматики». Но в целом труд Пёбеля выдержал испытание временем и, несмотря на постоянную страсть к не всегда оправданным изменениям в терминологии и номенклатуре, надолго останется краеугольным камнем всех конструктивных усилий в области шумерской грамматики.

Грамматика Пёбеля, однако, написана с позиций логики, а не педагогики, поэтому ею не могут воспользоваться новички, которым хотелось бы самостоятельно изучать шумерский язык. Небольшая книга, вполне пригодная для этой цели, – «Книга для чтения на шумерском языке» С.Дж. Гэдда; однако она была впервые опубликована в 1924 г. и настоятельно требует современной редакции. Другая полезная с педагогической точки зрения грамматика – это «Шумерская грамматика» Антона Даймеля, переизданная в 1939 г., хотя она и сильно страдает искусственным подходом к проблемам перевода шумерских текстов. В сфере лексикографии «Шумерский лексикон» того же автора, основанный преимущественно на компиляции работ Бруннова и других авторов, незаменим для студентов, хотя пользоваться им следует весьма критически и разборчиво. Наиболее перспективные фундаментальные труды по лексикографии, которые сейчас находятся в процессе подготовки, – это «Материалы по шумерскому лексикону: словарь и справочные таблицы» Бенно Ландсбергера, главы ассириологов. Восемь томов, включающих самые современные подборки последних силлабариев, словарей и лексических двуязычных справочников, а также их шумерские первоисточники, уже появились под патронажем Папского библейского инсти-

тута в Риме, учреждения, которому исследователи клинописи очень признательны за опеку исследований в области шумерологии в течение последних пятидесяти лет.

Оставим шумерские лингвистические изыскания и обратимся вновь к археологии, чтобы коротко суммировать итоги некоторых наиболее важных раскопок на шумерских поселениях, так благоприятно начавшихся Лагашем и Ниппуром. В 1902–1903 гг. немецкая экспедиция под руководством Роберта Кольдевея работала в Фара, древнем Шуруппаке, на родине героя легенды о потопе – Зиусудры, и обнаружила большое количество административных, экономических и лексических текстов, относящихся к XXV в. до н. э.; таким образом, они старше, чем надписи династии Ур-Нанш, найденные в Лагаше. Экономические тексты включали продажу домов и угодий, что указывало на существование частной собственности в Шумере, особенность жизни шумеров, долгое время остававшаяся предметом раздоров в среде ориенталистов. Лексические тексты из Фара также обладали особой ценностью для истории цивилизации, т. к. они указывали на существование шумерских школ уже в XXV в. до н. э., а возможно, и ранее. Археологи также обнаружили ряд частных и общественных построек, гробницы, огромное число ваз из камня, металла и терракоты и множество цилиндрических печатей. В 1930 г. экспедиция Пенсильванского университета под руководством Эрика Шмидта вернулась в Фара, но новые находки не отличались от тех, что появились 30 лет назад. Мне, тогда молодому и неопытному, посчастливилось быть в этой экспедиции эпиграфистом. Тексты многих табличек из Фара изучали и публиковали Антон Даймелль и французский шумеролог Р. Жестен.

В 1903 г. экспедиция Чикагского университета под руководством Е.Дж. Бэнкса проводила раскопки в Бисмайе, на месте столицы Лугалланнемунду под названием Адаб. Здесь тоже было найдено большое число древних табличек, схожих с найденными в Фара по форме и содержанию. Бэнкс также раскопал остатки нескольких храмов и дворцов, многочисленные письменные обеты и статую под названием Лугальдалу, относящуюся примерно к 2400 г. до н. э. Главной публикацией с результатами этой экспедиции стал том Института востоковедения, содержащий тексты, скопированные Д.Д. Лакенбилом, представляющие особую ценность для истории Шумера эпохи Саргона и досаргоновского периода.

С 1912-го до 1914 г. французская экспедиция под руководством выдающегося ученого в области клинописи Анри де Желуйяка проводила раскопки в Кише, городе, которому первому после потопа было даровано царство. Первая мировая война положила конец этим работам, но в 1923 г. англо-американская экспедиция, возглавленная еще одним известным специалистом по клинописи Стивеном Лэнгдоном, вернулась в Киш и проработала там десять сезонов подряд. Археологи вскрыли несколько монументальных зданий, зиккуратов, кладбищ и нашли много табличек. Целый ряд публикаций был издан Полевым музеем по археологическим материалам и Оксфордским университетом по материалам эпиграфическим. Небольшой контингент экспедиции Киша также провел быстрые работы в находившемся поблизости местечке Йемдет-Наср, на холме, скрывавшем руины города, чье древнее название до сих пор неизвестно. В ходе этих довольно незначительных раскопок на небольшом участке археологам посчастливилось обнаружить несколько сотен табличек и фрагментов со знаками полуписменного характера. Таблички датировались примерно 2800 г. до н. э. и, таким образом, оказались самыми ранними из найденных к тому времени шумерских писем, представленных в достаточном объеме. Эти таблички, скопированные и опубликованные Стивеном Лэнгдоном, стали поворотным пунктом в шумерских эпиграфических исследованиях.

Мы подошли к месту, называемому Варка современными арабами и Урук древними шумерами и аккадцами. Это библейский Эрех, и сегодня здесь ведутся наиболее систематические и научные раскопки, которые по праву можно назвать фундаментальными для, так сказать, «стратиграфических» исследований истории и культуры Шумера.

Систематические раскопки были впервые начаты здесь немецкой экспедицией под руководством Юлиуса Йордана. После неизбежного перерыва, вызванного Первой мировой войной, экспедиция вернулась туда в 1928 г. и продолжала работу вплоть до Второй мировой войны. В течение этого периода в штате экспедиции состояли многие выдающиеся эпиграфисты, в их числе Адам Фалькен-штейн, плодовитый и видный ученый в области шумерологии за последние тридцать лет. Именно иерихонская экспедиция создала что-то вроде сравнительного датирования всех шумерских находок, выкопав яму глубиной примерно 20 метров на определенном участке, опустившись до девственных почв и тщательно изучив и рассортировав находки многочисленных слоев и периодов, начиная с самых ранних поселений и завершая серединой 3-го тысячелетия до н. э. Были обнажены древнейшие шумерские монументальные постройки, датированные примерно 3000 г. до н. э. Среди многочисленных менее крупных находок – украшенная культовыми сценами алебастровая ваза почти метровой высоты, очень характерная для ранних шумерских обрядов и ритуала; также была найдена мраморная женская голова в натуральную величину, относящаяся примерно к 2800 г. до н. э., – свидетельство того, что ранняя шумерская скульптура в целом достигла небывалых творческих высот. В одной из ранних храмовых построек были обнаружены более тысячи пиктографических табличек, давших возможность проследить клинописную систему письма в глубь веков, вплоть до самых ранних ее стадий. Многие из этих табличек были опубликованы в роскошном томе, подготовленном с великой тщательностью Адамом Фалькенштейном после подробного исследования. В 1954 г. немецкая экспедиция вернулась в Эрех и продолжила вести тщательные и методичные раскопки, которые, несомненно, принесут Эреху – городу великих шумерских героев – славу краеугольного камня месопотамской археологии во всех ее аспектах: архитектуре, искусстве, истории, религии и эпиграфии.

Из библейского Эреха мы переместимся в библейский Ур, или Урим, как его называли сами шумеры, город, в котором раскопки велись с 1922-го по 1934 г. с мастерством, аккуратностью и фантазией сэра Леонарда Вулли. Вулли не раз возвращался к описанию своего открытия в Уре, и для профессионалов, и для дилетантов-любителей, но мы упомянем здесь только его последнюю работу 1954 г., «Раскопки в Уре». Благодаря ему слова «гробницы», «зиккураты» и «потоп» становятся почти бытовыми. Менее известен, но не менее значителен научный вклад эпиграфистов экспедиции, Гэдда, Леона Лейгрэна, Э. Барроуса, копировавших, изучавших и публиковавших основной корпус письменных документов, найденных в Уре, документов, проливших новый свет на историю, экономику, культуру не только Ура, но и Шумера в целом.

Рядом с Уром, всего в четырех милях к северу, расположен отлогий холм, известный как Эль-Обейд, который, несмотря на размер, сыграл значительную роль в месопотамской археологии. Впервые исследованный Х.Р. Холлом, сотрудником Британского музея, в 1919 г., а позже методично вскрываемый Леонардом Вулли, он, как выяснилось, был частью доисторического холма, содержащего свидетельство присутствия первых иммигрантов в этих краях. Эти люди, получившие условное название обейды (от названия холма Эль-Обейд), производили и использовали особые монохромно окрашенные предметы и изделия из кремня и обсидиана, которые позже были обнаружены в самых глубинных слоях нескольких раскопок Месопотамии. Вулли также открыл здесь небольшой храм богини Нинхурсаг, который в дополнение к наглядному представлению о том, каким был небольшой провинциальный храм в середине 3-го тысячелетия, безоговорочно доказал, что так называемая Первая династия Ура, воспринимаемая большинством ученых как легендарная, реально существовала; это открытие, таким образом, помогло переосмыслить практически повальный скептицизм в отношении важнейшего Царского списка, давшего, в свою очередь, более четкое представление о шумерской политической истории.

В крайней северо-восточной точке Шумера, к востоку от Тигра и на некотором расстоянии от проторенных троп, по меркам шумерологии, лежат несколько холмов, привлекавших внимание Генри Франкфорта, одного из известнейших в мире археологов, вдумчивого историка искусства и философски ориентированного ученого, чья безвременная смерть была невосполнимой потерей для востоковедения. Между 1930-м и 1936 гг. он провел тщательные, методичные раскопки холмов Асмар, Хафая и Аграб и раскопал храмы, дворцы и частные дома, таблички, цилиндрические печати и наиболее впечатляющую серию скульптур, некоторые из которых относились к 2700 г. до н. э. – всего примерно на век младше знаменитой головы из Эреха. Среди сотрудников Франкфорта были Пиньяс Делугас, археолог с большим опытом, ныне директор музея при Институте востоковедения; Сетон Ллойд, ставший советником Иракского управления по древностям и принимавший участие в раскопках самого большого количества шумерских поселений по сравнению с любым другим здравствующим археологом; Торкилд Якобсен, ученый редкого дарования, равно сведущий в археологии и эпиграфии. Результаты этих раскопок периодически появляются в серии прекрасных публикаций Института востоковедения, которые замечательны своими подробными и превосходно иллюстрированными материалами по архитектуре, искусству и письменности.

С 1933-го по 1956 г. прерывавшаяся только раз на время Второй мировой войны Луврская экспедиция под началом Андре Парро, археолога, который в определенном смысле перевернул последнюю страницу книги о Лагаше, проводила раскопки в Мари, городе, расположенном в среднем течении Евфрата, к западу от территории, считавшейся непосредственно шумерской. И результаты были невероятны и неожиданны. Там расположен город, население которого с самых ранних времен по сей день составляли семиты, судя по тому, что все таблички, найденные в Мари, аккадского происхождения; тем не менее в культурном отношении город трудно отличить от шумерского: тот же тип храмов, зиккуратов, скульптуры, инкрустации, даже на статуэтке певца нацарапано истинно шумерское имя Ур-Нанш, то самое имя, которое носил основатель древнейшей из известных лагашских династий. Ведущим эпиграфистом Луврской экспедиции был бельгийский ученый, специалист по клинописи, Жорж Доссен, который совместно с Парро издает особо значительный многотомник по письменным памятникам Мари; в этом проекте также принимают участие многие французские и бельгийские ученые. И вновь французы, на чьем счету Лагаш и Мари, одерживают верх в археологии и исследованиях Месопотамии.

В годы войны, когда иностранные экспедиции были неактуальны и практически невозможны, Иракское управление древностей, которое из небольшого собрания превратилось в прекрасное представительство археологов, эпиграфистов, регистраторов и реставраторов и которое поддерживает археологию Месопотамии на хорошем научном уровне, снарядило три самостоятельные экспедиции, своевременные и важные для изучения Шумера. В холме Укер, останках города, древнее название которого до сих пор неизвестно, экспедиция, возглавленная Фуад Сафаром, вскрыла в период 1940–1941 гг. первый из известных шумерских храмов с росписями, цветными фресками, покрывающими внутреннюю поверхность стен и алтарь. Также были найдены несколько обейдских домов и некоторое количество архаических табличек. В Телль-Хармаль, небольшом холме примерно в шести милях к востоку от Багдада, Таха Бакир, бывший тогда директором Иракского музея, вел раскопки с 1945-го по 1949 г. и, к удивлению ученых всего мира, нашел более двух тысяч табличек, среди которых были прекрасно сохранившиеся «учебники» по лексике и математике, а также храм. А в южной оконечности Шумера, в древнем Эриду, обители Энки, шумерского бога мудрости, Фуад Сафар вел раскопки в 1946–1949 гг., обнаружив там древнейшую обейдскую керамику, кладбище и два дворца середины 3-го тысячелетия до н. э. Храм Энки позволил проследить историю создания храмовых зданий начиная с древнейшей строительной фазы, примерно

4000 г. до н. э. Печально, но в Эриду не было найдено ни одной таблички – странное обстоятельство для города, где верховным божеством был бог мудрости.

В послевоенные годы состоялись всего две крупные иностранные экспедиции по раскопкам в Шумере. Немцы вернулись в Эрех. Американцы, усилиями в основном Торкилда Якобсена, направились в Ниппур и в течение последующих сезонов расчищали храм Энлиля, попутно раскрыли более тысячи табличек и фрагментов (около пятисот из них – литературные произведения) и начали расчистку храма богини Инанны. Но будущее археологии Шумера в Ираке сосредоточено теперь в руках самих иракцев, и есть все основания полагать, что иракские ученые и археологи не отступятся и не станут пренебрегать историей своих далеких предков, так много сделавших не только для Ирака, но и для человечества в целом.

На сем мы завершаем краткий обзор истории расшифровки и археологии, связанной с Шумером и шумерами. Прежде чем обратиться к истории Шумера, предмета нашей следующей главы, читатель должен хотя бы иметь общее представление о проблеме, которая наиболее волнует археологов Ближнего Востока и историков: проблеме хронологии. Этот вопрос не удалось разрешить и с помощью углеродного метода определения датировок; из-за чисто физических и механических факторов результаты этого метода часто оказывались неоднозначными и дезориентирующими, не говоря уже о том, что в случае Нижней Месопотамии допустимая погрешность слишком высока, чтобы на том успокоиться.

В целом первоначальные даты, приписанные шумерским правителям и памятникам, были чрезмерно завышены. В какой-то степени это происходило по вполне понятной склонности археологов заявлять о глубокой древности своих находок. Но в основном это происходило благодаря доступным источникам, особенно нескольким династическим спискам, составленным самими древними шумерами и вавилонянами; их часто воспринимали хронологическим перечнем династий правителей, о которых из других источников ныне известно как о современниках полностью или частично. Поскольку до сих пор не существует единого мнения на сей счет, датировки по Шумеру сейчас сильно занижены по сравнению с более ранними историческими монографиями и популярными изданиями, порой на полтысячи лет.

Две ключевые даты для шумерской хронологии – это конец Третьей династии Ура, когда шумеры утратили свое политическое господство в Месопотамии, и начало правления Хаммурапи в Вавилоне, когда, несмотря на все усилия, шумеры перестали быть единым политическим, этническим и лингвистическим целым. Последняя дата, как сейчас принято считать, – примерно 1750 г. до н. э. с погрешностью пятьдесят лет. Что касается временного промежутка между этой датой и концом Третьей династии Ура, существует много письменных подлинников, чтобы с полным основанием утверждать, что он составлял приблизительно 195 лет. Таким образом, конец правления Третьей династии Ура можно датировать 1945 г. до н. э. плюс-минус пятьдесят лет. Отсчитывая от этой даты в прошлое и опираясь на достаточное количество исторических сведений, хронологических таблиц и синхронных свидетельств разного рода, мы приходим примерно к 2500 г. до н. э., правителю по имени Месилим. Кроме того, вся хронология полностью зависит от археологического, стратиграфического и этнографического вмешательства и выводов разного рода, а также углеродных тестов, которые, как уже говорилось, не оправдали себя в качестве решающего и окончательного метода оценки, как это предполагалось.

Глава 2

История: герои, цари и энзи

Теперь, когда мы в общих чертах выяснили методы и технологии, при помощи которых современным археологам и ученым удалось воскресить давно прекративших свое существование шумеров и реставрировать их давно забытую культуру, можно обратиться к истории Шумера, к тем политическим, военным и социальным явлениям, которые способствовали взлету и падению этого народа. Но для полной готовности требуется еще кое-что. Есть один слабый аспект проблемы реконструкции шумерской истории, о чем следует предупредить читателя: скудный, зыбкий, скупой и неполный материал самих источников по этой теме. От 4500 г. до н. э., времен первых поселений в Шумере, почти вплоть до 1750 г. до н. э., когда шумеры прекратили свое существование как единый народ, лежит период протяженностью почти три тысячи лет, и читатель вправе спросить, откуда взята историческая информация и насколько она достоверна.

Начнем с темной, отрицательной и бесперспективной стороны предмета – того факта, что сами шумеры не вели исторических хроник в общепринятом понимании этого слова, т. е. в виде постепенного процесса развития и его основополагающих причин. Шумерские ученые и литераторы не располагали ни зрелым интеллектуальным инструментом для четких обобщений, ни эволюционным подходом, лежащим в основе исторических оценок и толкований. Ограничиваясь взглядом на современный им мир, воспринимаемый как непреложная истина, они полагали, что культурные явления и исторические события приходят в мир уже в готовом виде, как они есть, ибо они спланированы и даны всемогущими богами. Поэтому едва ли даже самым вдумчивым и образованным шумерским мудрецам могло прийти в голову, что некогда Шумер был пустынной болотистой местностью с малочисленными поселениями, разбросанными тут и там, и только постепенно превратился в шумное, процветающее сообщество. На это ушли многие поколения борьбы и тяжелого труда, и ведущую роль сыграли человеческая воля и решимость, человеческие планы и эксперименты, изыскания и открытия. Интеллектуально заторможенный такой стерильной и статичной концепцией истории человечества, шумерский литератор мог в лучшем случае стать архивариусом, нежели историком, скорее хроникером и аналитиком, нежели толкователем и комментатором исторических реалий.

И даже архивно-летописный тип истории сначала следовало изобрести кому-то и где-то, чтобы удовлетворить некую насущную потребность по той или иной причине. У шумеров такая практика возникла не в результате пристального интереса к записям событий и происшествий, как таковым. Ими руководила религиозная убежденность в том, что энзи – цари и правители городов-государств – могли обеспечить долгую жизнь себе, а также благополучие и процветание своим подданным путем строительства, ремонта и отделки храмов, почитаемых обителью богов. До изобретения письменности усилия царей и принцев по строительству, хотя, несомненно, и сопровождались зрелищными обрядами и символическими ритуалами, не оставляли письменного следа потомкам. Но когда получила развитие клинопись из своей более ранней пиктографической стадии, кому-то из храмовых жрецов или писарей, должно быть, пришло в голову письменно запечатлеть строительный акт и вотивные подношения своего правителя, так, чтобы об этом все знали и помнили в отдаленном будущем. Вот тогда-то – а, судя по имеющимся на сегодняшний день данным, произошло это во второй четверти 3-го тысячелетия до н. э. – и родилась, можно сказать, письменная история.

Конечно, первые здания и вотивные надписи содержали очень краткие посвящения, представляющие малую историческую ценность. Но постепенно писари становились уве-

реннее, оригинальнее и общительнее. И к XXIV в. до н. э. появляются такие сложные и самобытные исторические свидетельства, как запись о военных предприятиях Эаннатума; свидетельство Энтемны о многолетней гражданской войне между Лагашем и Уммой; ценнейшие записи Урукагины о первых социальных реформах, основанных на понятиях свободы, равенства и справедливости; лирическое послание Лугальзаггеси, прославившего мир и процветание, счастье и безопасность – отличительные знаки периода его правления в Шумере. Материалом для надписей наших древних «историков» служили самые разные и непохожие объекты: глиняные и каменные таблички, кирпичи, камни, дверные петли, кубки и вазы, глиняные гвозди и конусы, ступки и песты, стелы и плакетки, статуи и статуэтки из камня и металла.

Всего таких votивных надписей и посвящений насчитывается почти тысяча, хотя, к сожалению, в подавляющем большинстве случаев они очень кратки и лаконичны. Во всяком случае, именно эта группа надписей, более или менее современная событиям, о которых они повествуют, оказалась первоисточником политической истории Шумера, пусть даже неполной и проблематичной. Похоже, сами историки древнего Шумера часто пользовались этими источниками в помощь составлению собственных литературных документов.

Другими основными и важными современными источниками оказались, довольно неожиданно, хозяйственные и административные документы, представляющие в основном то, что принято называть формулами (схемами) данных. Сделки и контакты, отраженные в этих документах, должны были фиксироваться вовремя из практических соображений, и уже примерно с 2500 г. до н. э. наиболее искушенные писари начали разрабатывать типовые схемы таких договоров. К счастью для нас, они не стали указывать единственно количество лет от стартовой точки отсчета, как, например, начало нового правления или династии, но после ряда экспериментов предпочли остановиться на указании срока со дня даты какого-либо особого религиозного или политического события. Этот метод фиксирования обеспечил нас исторической информацией первейшей важности. Чтобы более точно датировать свои архивы, писари также составляли списки всех дат и имен текущего правления или цепи правлений, и эти древние списки позволяют современному ученому расположить события, указанные в формулах данных, в правильном хронологическом порядке.

Нет сомнений в том, что во многом благодаря этим формулам данных и спискам дат был составлен один из ценнейших шумерских исторических документов, так называемый Царский список, в котором перечислены имена большинства царей Шумера и сроки их правления. С этого и началась шумерская история – со времен далекого прошлого, когда «царствие (впервые) сошло с небес», до начавшегося около 1950 г. до н. э. периода истории династии Исына включительно. Конечно, этот уникальный документ в действительности является смесью истины и вымысла, и часто трудно понять, где начинается одно и кончается другое. Автор этого списка, похоже, заблуждался, считая, что все династии, которые он перечислял, находятся в строгой последовательности, тогда как на самом деле большая их часть, если не все, были современниками в большей или меньшей степени. Более того, многим правителям ранних династий он приписывает поистине легендарные и невероятные сроки правления, которые для восьми допотопных царей в сумме составляют чуть ли не четверть миллиона лет, а на первые две династии после потопа приходится более двадцати пяти тысяч лет. Несмотря на все эти издержки и недостатки, Царский список, будучи использован избирательно и с пониманием, обеспечивает нам историческую канву невероятной ценности.

Еще одним высокопоказательным источником является так называемая «царская переписка», т. е. письма, которыми обменивались правители и их чиновники. Они впервые появляются уже в XXIV в. до н. э., но часть писем особой исторической ценности принадлежит правителям Третьей династии Ура. Из этих писем становятся ясны мотивы, склонности, соперничество и интриги, которые происходили за кулисами и которые придают живость

и человеческое присутствие, хотя порой весьма неблагоприятное, votивным надписям и формулам данных. Довольно интересно, что эти царские письма дошли до нас не в своей оригинальной форме, а в копиях, подготовленных профессорами и студентами шумерских академий, эдубб, несколько веков спустя – явное свидетельство их значения и ценности в те далекие дни.

Прозаический, с фантастическим налетом историографический документ, который может обнаружить свою чрезвычайную важность для ранней истории и хронологии Шумера, – это так называемая Туммальская надпись, уникальная компиляция, касающаяся, во-первых, реставрации Туммалья, святилища богини Нинлиль в Ниппуре, и во-вторых – строительства разных частей храма Энлиля в том же городе. Частично этот текст был известен уже полвека назад, но его недостающие начальные строки появились совсем недавно, и именно они обнаружили его удивительную и неожиданную историческую ценность.

Существуют еще две высокопоэтические композиции, которые можно назвать историографическими, хотя бы в некоторой степени. Обе сосредоточены на самых больших катастрофах шумерской истории: уничижительное и разрушительное нашествие на страну жестоких варварских кочевых орд с гор на восток. В первом, более длинном, произведении из двух, «Проклятие Агаде», шумерский поэт и святой объясняет катастрофу как результат безбожных, кощунственных действий Нарамсина, четвертого правителя династии Аккада. Вторая поэма посвящена большой победе Утухегалья, царя Эреха, над Тириганом, последним царем кутиев (гутиев), и счастливому возвращению царствия Шумер.

Девять шумерских эпических сказаний, объемом от чуть более сотни строк до свыше шестисот, сегодня известны либо полностью, либо частично, и пять из них представляют немалую ценность, особенно для самых ранних периодов истории Шумера, от которых практически не осталось современных письменных документов. Четыре из пяти сказаний связаны с героическими фигурами Энмеркара и Лугальбанды, и их содержание примечательно тем, что проливает свет на близкие взаимоотношения между Шумером и Араттой, неизвестным городом в Северном Иране, который до сих пор географически не идентифицирован. Пятое из историографических шумерских сказаний, «Гильгамеш и Агга (из) Киша», представляет особую ценность для истории политических образований. Оно не только помогает проникнуть в покрытый мраком период шумерской истории, когда ранние шумерские города-государства враждовали между собой, но также хранит упоминание о первой политической ассамблее, «двухпалатном конгрессе», состоявшемся двадцать четыре века тому назад на животрепещущую тему о войне и мире.

Один довольно неутешительный литературный жанр, с точки зрения политической истории, это «ламентация», вид поэтического произведения, в котором оплакивались скорбный вид Шумера и его городов во времена бедствий и поражений. Самый ранний прототип ламентации, который дает нам кое-какую важную историческую информацию, был найден на глиняной табличке в Лагаше. В нем довольно подробно описано страшное разрушение Лагаша от рук его постоянного врага Уммы. Но более поздние и гораздо более длинные сочинения, такие, как «Плач об Уре» или «Плач о Ниппуре», ограничиваются преимущественно терзающими душу описаниями разрушения городов Шумера и страданий их жителей, и мало внимания уделяют историческим событиям, приведшим к столь плачевным событиям.

Наконец, каплю исторической информации можно извлечь даже из таких литературных жанров, как мифы, гимны и литература «мудрости». Ни один из них не является исторически ориентированным, но там и сям в них встречается, неумышленно и случайно, какая-то историческая информация, более нигде не обнаруженная. Так, например, из царских гимнов мы узнаем о том, что злейший враг Шумера – кутии – все еще доставляли хлопоты и являлись угрозой во времена Третьей династии Ура, несмотря на прославленную победу Утухе-

галя. Или же из мифа становится известно об отношениях Шумера с остальным миром; или же в пословице может быть по какой-то причине упомянуто имя правителя.

Но votивные надписи и формулы данных, царские письма и списки правителей и династий, эпические песни о победах и горькие lamentации о поражениях – все это едва ли можно считать историей в привычном для нас понимании. Более того, за примерно два первых тысячелетия существования Шумера не осталось практически ни одного письменного документа, и votивные надписи более поздних периодов найдены всего в нескольких местах, а потому мы имеем однобокий взгляд на картину событий, о которых они повествуют. Что до поэтических произведений, то они содержат лишь зародыш исторической правды, и современный ученый часто оказывается в растерянности, пытаясь отделить зерно от плевел, реальное от вымышленного и таким образом вычленив исторически ценный остаток.

Все, что могут сделать современные шумерологи, – это анализировать и интерпретировать частичные, затуманенные, зыбкие данные и пытаться восстановить хотя бы несколько существенных политических событий и ход исторического развития по собственному разумению, пониманию, видению и представлению. Это, в свою очередь, ведет к большему субъективизму и неоднозначности, чем это желательно, а иной раз и позволительно. При таких обстоятельствах наблюдается существенное расхождение взглядов даже среди специалистов в этой области. Очерк о шумерской истории, предложенный в данной книге, ничуть не меньше страдает от частных предрассудков, заблуждений и недостатков автора; но это лучшее, что он смог сделать, исходя из данных, полученных на 1963 г. И если этих ошибок, как преувеличений, так и упущений, слишком много, пусть будущие поколения и шумерские боги учтут смягчающие обстоятельства и судят автора милосердно и с состраданием. Излагая ту малость, что он знает, или думает, что знает, о шумерской истории, он всего лишь следует древней шумерской пословице: «Тот, кто знает, зачем ему это скрывать?»

Шумер, или лучше страна, известная как Шумер, на протяжении 3-го тысячелетия до н. э. была впервые заселена между 4500-м и 4000 гг. до н. э., по крайней мере, таков был консенсус археологов Ближнего Востока до недавнего времени. Эта дата была получена путем отсчета от 2500 г. до н. э., приблизительной и вполне обоснованной даты, рассчитанной на основании письменных документов. К ней прибавили от 1500 до 2000 лет, т. е. временной отрезок, достаточный для стратиграфического накопления всех ранних культурных наработок, начиная с девственных почв, т. е. с самого начала обитания человека в Шумере. Считается, что в то время Шумер был огромной болотистой равниной, на которой тут и там встречались низкие островки наносных образований от постепенных отложений ила, наносимого реками Тигр, Евфрат и Карун. До того большая часть Шумера предположительно была покрыта водами Персидского залива, простиравшегося гораздо дальше, чем сегодня, и это делало обитание человека невозможным.

Все это было согласованной теорией в археологических кругах до 1952 г., когда два геолога, Лиз и Фэлкон, опубликовали статью, повлекшую революционные изменения в датировках первых шумерских поселений. В этом исследовании, озаглавленном «Географическая история Месопотамских равнин», они приводили геологические данные того, что Шумер был сушей уже задолго до 4500–4000 гг. до н. э., и поэтому люди вполне могли заселять эти земли намного раньше, чем было принято считать. Велись споры о том, почему не удалось обнаружить реальных следов таких древнейших поселений в Шумере: возможно, часть суши уходила под воду одновременно с выходом на поверхность морского дна. Поэтому самый низкий уровень культурных отложений в Шумере может сейчас быть скрыт под водой, не доступный археологам, введенным в заблуждение более высоким ее уровнем и уверенным поэтому, что они докопались до девственных почв. Если это подтвердится, сле-

довательно, самые древние культурные слои до сих пор погребены и нетронуты, и не исключено, что дата первых шумерских поселений сдвинется на тысячу или около того лет.

Как бы там ни было, вполне доказано, что первые поселенцы в Шумере были не шумеры. Убедительное доказательство кроется не в археологии и не в антропологии, которые предлагают весьма неоднозначные и неокончательные результаты по этому вопросу, а в лингвистике. Название двух жизненно важных рек, Тигр и Евфрат, или *идиглат* и *бура-нун*, как они читаются в клинописи, не шумерские слова. И названия самых значительных городских центров – Эриду (Эреду), Ур, Ларса, Исин, Адаб, Куллаб, Лагаш, Ниппур, Киш – также не имеют удовлетворительной шумерской этимологии. И реки, и города, вернее, деревни, которые позже выросли в города, получили названия от людей, которые не говорили на шумерском языке. Точно так же названия Миссисипи, Коннектикут, Массачусетс и Дакота указывают, что первые поселенцы Соединенных Штатов не говорили по-английски.

Название этих дошумерских поселенцев Шумера, конечно, неизвестно. Они жили задолго до изобретения письменности и не оставили никаких контрольных записей. Ничего не говорят о них и шумерские документы более позднего времени, хотя есть убеждение, что, по крайней мере, некоторые из них были известны в 3-м тысячелетии как субары (субарийцы). Об этом мы знаем почти наверняка; они были первой важной цивилизующей силой в древнем Шумере – первыми землепашцами, скотоводами, рыбаками, его первыми ткачами, кожемяками, плотниками, кузнецами, гончарами и каменщиками. И снова догадку подтвердила лингвистика. В 1944 г. Бенно Ландсбергер, один из самых проникательных умов в исследованиях клинописи, опубликовал статью в журнале под патронажем университета Анкары. В ней он провел анализ нескольких культурно значимых «шумерских» слов, т. е. слов, взятых из шумерских документов 3-го тысячелетия до н. э. и потому считавшихся шумерскими, и показал, что все свидетельствует об их нешумерском происхождении. Все эти слова состоят из двух и более слогов – в шумерском языке большинство корней односложны, – и их модель сходна со словами Тигр, Евфрат и нешумерскими названиями городов. Среди этих слов были *фермер (энгар)*, *пастух (удул)*, *рыбак (шухудак)*, *плуг (апин)* и *борозда (апсин)*, *пальма (нимбар)*, *дата (сулумб)*, *мастер по металлу (тириба)*, *кузнец (симуг)*, *плотник (нангар)*, *корзинщик (аддуб)*, *ткач (шибар)*, *кожевник (ашигаб)*, *гончар (пахар)*, *каменщик (шидим)* и даже *купец (дамгар)*, слово, которое практически универсально воспринималось семитским знаком. Отсюда следует, что базовые земледельческие техники и промышленные ремесла впервые были принесены в Шумер не шумерами, а их безымянными предшественниками. Ландсбергер назвал этот народ протоевфратами, немного нескладным названием, которое тем не менее уместно и пригодно с лингвистических позиций.

В археологии протоевфраты известны как обейды (убейды), т. е. народ, оставивший культурные следы, впервые найденные в холме Эль-Обейд недалеко от Ура, а позднее в самых нижних слоях нескольких холмов (теллей) на всей территории древнего Шумера. Среди находок были такие каменные орудия труда, как мотыги, тесла, ручные мельницы, ступки и ножи, и глиняные изделия, как серпы, кирпичи, гири, мутовки, статуэтки и совершенно особый и характерный вид расписной глиняной посуды. Таким образом, в подтверждение лингвистическим данным, протоевфраты, или обейды, являлись земледельцами, основавшими ряд деревень и городов по всей территории, и развили довольно стабильную, богатую сельскую экономику.

Обейды, однако, не долго оставались единственной и доминирующей силой в древнем Шумере. С запада к территории Шумера примыкают Сирийская пустыня и Аравийский полуостров, родина семитских кочевников с незапамятных времен. В то время как обейдские поселенцы благоденствовали и процветали, некоторые из этих семитских кочевых орд начали просачиваться в их поселения и в качестве мирных эмигрантов, и как военные завоеватели. Конечно, у нас до сих пор нет прямых явных доказательств этого губи-

тельного вторжения. Но в первую очередь таковы выводы на основании всей последующей истории Шумера. Снова и снова на протяжении тысячелетий семитские кочевники вторгались в оседлые центры Шумера и покоряли их, и нет оснований полагать, что этого не происходило также и в 4-м тысячелетии до н. э. К тому же древнейшие шумерские надписи содержат несколько семитских заимствований, а в составе шумерского пантеона есть немало божеств семитского происхождения. Некоторые такие заимствования могут уходить далеко в глубь времен. Наконец, первая династия Шумера, существование которой исторически подтверждено хотя бы в некоторой степени, так называемая Первая династия Киша, установленная, согласно самим древним, непосредственно после потопа, начиналась с целого ряда правителей с семитскими именами. Ни одно из этих доказательств не является окончательным, но в целом кажется резонным сделать вывод о том, что семиты были преемниками протоевфратов в Шумере и что в результате смешения этих двух культур в Шумере возникла первая сравнительно высокая цивилизация, где доминировал семитский элемент.

Как бы там ни было, вполне вероятно, что сами шумеры не появлялись в Шумере приблизительно до второй половины 4-го тысячелетия до н. э. Где их родина, пока остается неизвестным. Судя по циклу эпических сказаний об Энмеркаре и Лугальбане, вполне вероятно, что ранние шумерские правители имели необычно тесные, доверительные отношения с городом-государством Араттой, расположенным где-то в районе Каспийского моря. Шумерский язык – язык агглютинативный, в какой-то степени напоминающий урало-алтайские языки, и этот факт тоже указывает в направлении Аратты. Но независимо от того, откуда пришли шумеры и какой тип культуры они с собой принесли, ясно одно: их приход привел к невероятно плодотворному этническому и культурному смешению с коренным населением и послужил творческим импульсом, немаловажным для истории цивилизации. В ходе последующих веков Шумер достиг новых высот политического и экономического благополучия и пережил некоторые из наиболее ярких достижений в искусствах и ремеслах, монументальном строительстве, религиозной и этической мысли, создании устных мифов, эпоса и гимнов. А сверх того, шумеры, язык которых постепенно стал основным в стране, изобрели систему письма, ставшую эффективным средством коммуникации и сделали первые шаги на пути введения формального обучения.

Первым правителем Шумера, чьи деяния подверглись записи, пусть и краткой, был царь по имени Этана (из) Киша. Он вззошел на трон, по-видимому, в начале 3-го тысячелетия до н. э. В Царском списке о нем говорится как о том, «который стабилизировал все земли». Если допустить, что это утверждение, найденное в документе, датированном тысячелетие спустя после правления Этаны, отражает достоверные сведения, можно предположить, что он установил свое господство не только в Шумере, но и в каких-то соседних территориях, т. е. был своего рода первый создатель империи. То, что Этана был примечательной и незаурядной фигурой в ранней истории Шумера, подтверждается указанием чисто легендарного свойства в том же Царском списке, что этот царь «был человеком, который вззошел на небеса», а также семито-аккадской поэмой начала 2-го тысячелетия до н. э., содержащей тот же мифический мотив. Согласно этой легенде, для которой, не исключено, будет когда-нибудь найден ее шумерский прототип, Этана был набожным, богобоязненным царем, отправлявшим божественный культ преданно и добросовестно, но был проклят бездетностью и не имел наследника своего имени. Его заветным желанием было поэтому добыть «растение рождения», но оно находилось на небесах вне досягаемости смертного. Для того чтобы попасть на небеса, Этана заручился помощью орла, спасенного им из ямы, куда его бросила змея, чью дружбу предал и чьих детенышей сожрал. Эта легенда пользовалась популярностью среди резчиков печатей, судя по количеству печатей с изображением смертного, поднимающегося к небесам на крыльях орла. Конечно, Этана на небесах не остался, ибо,

судя по недавно переведенной погребальной песне с таблички из Музея имени Пушкина, а также по уже давно известной семнадцатой табличке аккадского эпоса о Гильгамеше, мы застаем Этану в Нижнем мире, куда неизбежно попадают все смертные, независимо от их славы, кроме, конечно, Зиусудры, героя сказания о потопе. Но все эти легендарные традиции только помогают убедиться, что Этана был могучей и внушительной фигурой, чья жизнь и подвиги захватили воображение древних певцов и поэтов.

За Этаной, согласно Царскому списку, следуют семеро правителей, и несколько из них, судя по именам, были скорее семиты, нежели шумеры. Восьмым был царь Энмебараггеси, о котором у нас есть кое-какая историческая, или, во всяком случае, в духе саги, информация, как из Царского списка, так и из других литературных шумерских источников. Более того, совсем недавно на маленьком фрагменте алебастровой вазы молодой шумеролог из Багдада обнаружил надпись из трех строк, откуда, несомненно, следует, что он был вовсе не мифическим царем, а реальным лицом из плоти и крови. К моменту, когда Энмебараггеси вззошел на трон в Кише, другой шумерский город-государство, далеко к югу от Киша, заявил свои права на престол в Кише, т. е. вскоре после правления Этаны царь по имени Мескиаггашер, представленный в Царском списке как «сын Уту» (шумерского бога солнца), основал честолюбивую и могущественную династию в городе Эрех, известный в те дни как Эанна, «Дом Ана» (бога неба). Судя по довольно неоднозначному и расплывчатому пояснению, сопутствующему его имени в Царском списке, согласно которому «он вышел в моря (и) вззошел на горы», он пытался распространить власть на земли вокруг Шумера и далеко за его пределами. Как бы там ни было, его сын Энмеркар, который, согласно Царскому списку, сменил его на троне и которому в эпических сказаниях дан эпитет «сын Уту» – тот же, что и его отцу в Царском списке, – был, несомненно, одной из самых выдающихся личностей раннего Шумера. Согласно Царскому списку, он построил город Эрех, а согласно эпическим сказаниям, он провел кампанию против Аратты, расположенной где-то вблизи Каспийского моря, и подчинил ее Эреху.

Один из героических гонцов Энмеркара и его боевой соратник в борьбе с Араттой был Лугальбанда, который наследовал Энмеркару на троне Эреха. Поскольку он является главным героем по меньшей мере двух эпических сказаний, он, скорее всего, также был почтенным и внушительным правителем; и неудивительно, что к 2400 г. до н. э., а возможно, и ранее, он был причислен к божествам шумерскими теологами и обрел место в шумерском пантеоне. К сожалению, ни Царский список, ни эпические сказания не дают никакой информации о его политических и военных успехах, только о его участии в кампании Энмеркара против Аратты.

Лугальбанду, согласно Царскому списку, сменил Думузи, правитель, ставший главным персонажем шумерского «обрядя священного брака» и мифа об «умирающем боге», глубоко поразившим Древний мир. Действительно, женщины Иерусалима к ужасу пророка Иезекииля все еще оплакивали его смерть в 6-м веке до н. э. (Иезекииль, 8:14). Один из месяцев еврейского календаря носит его имя и по сей день, а пост и плач в его семнадцатый день, несомненно, являются отголоском шумерских времен в далеком прошлом. Почему шумерские теологи избрали Думузи главным героем именно этого обряда и мифа, остается неизвестно. Отчасти это должно объясняться тем глубоким впечатлением, которое Думузи производил при жизни и как человек, и как правитель, но пока у нас нет исторических данных, подтверждающих это мнение.

Вслед за Думузи, согласно Царскому списку, правил Гильгамеш, правитель, чьи деяния завоевали ему такую широкую славу, что он стал основным героем шумерской мифологии и легенд. Поэмы о Гильгамеше и его подвигах писались и переписывались на протяжении веков не только на шумерском языке, но и на большинстве других самых крупных языков Западной Азии. Гильгамеш стал героем *par excellence* Древнего мира – искателем приключений.

чений, храбрецом, но фигурой трагической, символом человеческого тщеславия и неумной жажды известности, славы и бессмертия – до такой степени, что современные ученые часто воспринимали его легендарным персонажем, а не реальным человеком и правителем. У нас до сих пор нет современных ему документов, хотя есть слабая надежда на то, что раскопки, которые сегодня ведутся в Эрехе, могут рано или поздно что-то прояснить. В 1955 г., однако, на свет появились первые десять строк давно известной Туммальской надписи, проливших новый свет на Гильгамеша и его эпоху. Действительно, этот короткий отрывок сумел прояснить политическую ситуацию тех ранних лет шумерской истории столь необычным и существенным образом, что об этом следует сказать немного подробнее.

Согласно Царскому списку, первые три шумерские династии после потопа были династиями Киша, Эреха и Ура, именно в этом порядке. Но из шумерского эпического и гимнического наследия стало известно, что последние два царя династии Киша – Энмебарагеси (о ком, как говорилось ранее, у нас есть запись того времени) и его сын Агга были современниками Гильгамеша, пятого правителя Эреха, с которым они вели непримиримую борьбу за господство в Шумере. Поэтому в среде писарей был общепринятым тот факт, что Первая династия Киша и Первая династия Эреха по большому счету современники. Что касается Первой династии Ура, от которой до нас дошли несколько надписей, то практически все ученые считали, что ее основатель, Месаннепада, жил гораздо позже, чем Гильгамеш из Эреха, и оценки временного интервала между этими двумя правителями колебались от всего сорока до целых четырехсот лет. И новое свидетельство, заключенное всего в десяти строках, явилось неожиданным открытием: Месаннепада был в действительности старшим современником Гильгамеша, даже сын Месаннепады Мескиагнунна был современником Гильгамеша. И именно Месаннепада из Ура завершил Первую династию Киша, а не Гильгамеш или какой-либо иной правитель Первой династии Эреха, вопреки утверждениям Царского списка о том, что «Киш был поражен оружием; царствие его было перенесено в Эанну».

Документ, ставший основанием для новых доказательств, – это ранее упомянутый историографический текст, содержащий тридцать четыре строки и известный как Туммальская надпись (Туммаль – название посвященного богине Нинлиль района в Ниппуре, где, несомненно, помещалось ее главное святилище). За исключением первых десяти строк, Туммальский текст был известен почти полностью уже с 1914 г., когда Арно Пёбель в своей книге «Исторические тексты» опубликовал текст, помещенный на двух табличках. Начиная с одиннадцатой строки, он звучит так:

Второй раз Туммаль был разрушен,
Гильгамеш построил Нумунбурру дома Энлиля,
Ур-лугаль, сын Гильгамеша,
Сделал Туммаль выдающимся,
Привел Нинлиль в Туммаль.
В третий раз Туммаль был разрушен,
Нанна построил «Высокий Парк» дома Энлиля.
Мескиаг-Нанна, сын Нанны,
Сделал Туммаль выдающимся,
Привел Нинлиль в Туммаль.
В четвертый раз Туммаль был разрушен,
Ур-Намму построил Экур.
Шульги, сын Ур-Намму,
Сделал Туммаль выдающимся,
Привел Нинлиль в Туммаль.

В пятый раз Туммаль был разрушен,
От года Амар-Сина
До (года) Ибби-Сина, царя
Энамгаланна, в качестве эна Инанны в Эрехе
Избранный, Нинлиль привел в Туммаль.
По слову Лу-Инанны, ашгаб-галя Энлиля,
Ишби-Эрра построил Экурраигигаллу,
Хранилище (склад) Энлиля.

Из этого текста, даже при недостающем первом фрагменте, было ясно, что автор, живший во времена Ишби-Эрры, основателя Первой династии Исына, намеревался подвести краткий исторический итог строительству разных зданий храмового комплекса Энлиля в Ниппуре и особенно реставрации Туммала Нинлиль. Более того, довольно неожиданный стилистический ход, к которому прибег автор, дал возможность воссоздать общий характер содержания недостающих первых пяти строк, хотя и без конкретных имен. Так, если известный текст начинался со следующих пяти строк:

Второй раз Туммаль был разрушен,
Гильгамеш построил Нумунбурра дома Энлиля,
Ур-лугаль, сын Гильгамеша,
Сделал Туммаль выдающимся,
Привел Нинлиль в Туммаль.

И представляется резонным сделать вывод, что предыдущие пять строк звучали так:

В первый раз был разрушен Туммаль,
Х построил здание У при Доме Энлиля.
Z, сын X,
Сделал Туммаль выдающимся,
Привел Нинлиль в Туммаль.

Что касается вводного фрагмента документа, воссоздать его не было возможности, хотя простой здравый смысл подсказывал, что в его начале указано, кто же именно построил Дом Энлиля и Туммаль.

К счастью, нет более необходимости в догадках, воссоздании и реставрации: все десять утраченных строк были найдены среди табличек собрания Хилпрехта в Университете Ф. Шиллера. Я впервые ознакомился с этими табличками в ходе двухнедельного пребывания в Йене осенью 1955 г. Тогда же Инес Бернхардт, ассистент хранителя этого собрания, скопировала их для тома литературных текстов, который увидел свет в 1961 г. Оба текста сохранились частично, но, к счастью, они дополняли друг друга таким образом, что в результате удалось восстановить все до одного знаки первых десяти строк документа. Вот эти строки:

Энмебараггеси, царь,
В этом самом городе (т. е. Ниппуре) построил Дом Энлиля.
Агга, сын Энмебараггеси,
Сделал Туммаль выдающимся,
Привел Нинлиль в Туммаль.
В первый раз Туммаль был разрушен,
Месаннепадда построил Буршушуа Дома Энлиля.

Мескиагнунна, сын Месаннепадды,
Сделал Туммаль выдающимся,
Привел Нинлиль в Туммаль.
И далее текст продолжается:
Второй раз Туммаль был разрушен,
Гильгамеш
и т. д.

Таким образом, если предположить, что Туммальский документ исторически достоверен, мы находим подтверждение тому, что правление Месаннепадды и даже его сына Мескиагнунны в Ниппуре предшествовало Гильгамешу. А поскольку они были преемниками Агги, который и сам был современником Гильгамеша, о чем говорилось выше, становится очевидным, что и они тоже были современниками Гильгамеша. Таким образом, исторические события, обозначенные и стоящие за строками обретенного Туммальского документа, можно восстановить следующим образом.

В борьбе за власть над всем Шумером Месаннепада, основатель Первой династии Ура, перехватил контроль над Ниппуром у Агги, последнего правителя Первой династии Киша. На самом деле он, вероятно, напал на сам Киш и стал непосредственным виновником падения Агги, что объясняет то обстоятельство, почему Месаннепада назван «царем Киша», а не «царем Ура» на его собственной печати, ведь титул «царь Киша» уже долгое время пользовался особым почетом. Но к тому времени, когда Ниппур попал под его власть, Месаннепада, по-видимому, был уже стар, и поэтому успел только построить новое здание – Буршушуа – в храмовом комплексе Энлиля. Его сыну Мескиагнунне следовало восстановить Туммаль для Нинлиль. Но правлению Мескиагнунны был положен конец Гильгамешем, который, будучи еще молодым, очевидно, имел сложные отношения с правителем Киша Аггой, а также с его отцом Энмебараггеси. Но к тому времени и Гильгамеш, видно, был уже в преклонных летах; во всяком случае, заново отстраивал Туммаль уже не он, а его сын Урлугаль.

Поскольку Месаннепада, основатель Первой династии Ура, был старшим современником Гильгамеша, правившего, по-видимому, где-то около 2600 г. до н. э. (к 2500 г. до н. э. его уже канонизировали), дата его правления примерно на сто лет раньше, чем полагали ученые, основываясь на имеющихся, но далеко не окончательных эпиграфических свидетельствах. Это, однако, приводит к другой хронологической проблеме, которую сегодня решить невозможно, но следует хотя бы иметь в виду. В ходе раскопок известного Царского кладбища в Уре была найдена печать из белого ракушечника со словами «Мескаламдуг, царь» и другая печать со словами «Акаламдуг, царь Ура». Ни один из этих правителей не упомянут в Царском списке, поэтому нет возможности узнать, правили ли они до или после Месаннепадды. Археолог Леонард Вулли заявил, что, поскольку несколько печатных оттисков с именем Месаннепадды были извлечены из кучи мусора в той зоне Царского кладбища, где были найдены печати Мескаламдуга и Акаламдуга, эти два царя должны хронологически предшествовать Месаннепадде. Возможно, так оно и было, но есть большая вероятность ошибки там, где дело касается толкования археологических и стратиграфических свидетельств, и вероятность того, что Месаннепада был предшественником двух царей, исключать нельзя.

Жестокая трехсторонняя борьба за первенство между царями Киша, Эреха и Ура, должно быть, сильно ослабила Шумер и подорвала его военную мощь. Во всяком случае, согласно Царскому списку, на смену Первой династии Ура пришло иноземное владычество царства Аван, эламского города-государства, расположенного недалеко от Суз. Как и когда Шумер оправился от этого удара, неизвестно. Царский список сообщает, что «Аван был сражен оружием» и что его царство «было перенесено в Киш». Но никаких записей о правите-

лях этой династии, Второй династии Киша, пока не найдено, и это обстоятельство совместно с тем фактом, что за Второй династией Киша последовала еще одна эламская династия – царство Хамази, – указывает на то, что шумеры еще не вернули былую силу. Династию Хамази, согласно Царскому списку, сменила Вторая династия Эреха, о которой тоже пока нет письменных сведений. Но именно за ней пришел правитель, которого можно по праву считать спасителем Шумера. Его имя Лугаланнемунду, царь Адаба, кому Царский список приписывает невероятно долгий срок правления – девяносто лет. От него остался документ, в котором говорится, что он был великим завоевателем и военным вождем, державшим под контролем весь Плодородный полумесяц, от Средиземноморья до Загроса. Конечно, эта надпись дошла до нас только в копии, которая на тысячу лет моложе самих событий. Но содержание ее аккуратно, точно, убедительно детализировано и звучит вполне подлинно и достоверно.

Лугаланнемунду, согласно документу, был «царь четырех четвертей (вселенной)», правитель, «который заставил иностранные земли регулярно платить ему дань, принес мир (дословно «заставил лежать на пастбищах») народам всех земель, построил храмы всем великим богам, восстановил Шумер (в его прежней славе), правил всем миром». Далее текст перечисляет тринадцать *энзи* и города-государства, где они правили; объединившись, они восстали против него и были повержены. Небезынтересно заметить, что большинство *энзи*, даже эламских царств, носят семитские имена. Затем Лугаланнемунду захватил кутиев, известных по более поздним документам самых опасных врагов Шумера, и еще ряд стран – но, к сожалению, текст на этом практически прерывается.

Основная часть документа посвящена строительству в Адабе храма с названием Энамзу, посвященного верховному божеству города, богине-матери Нинту; храм был особенно замечателен семью воротами и семью дверьми со своими особыми именами, например, «Высокие ворота», «Великие ворота», «Ворота (божественных) Велений», «Высокие двери», «Двери Освежающей Тени» и т. д. Когда строительство храма завершилось, рассказывает далее документ, Лугаланнемунду посвятил его богине, принеся в жертву жирных быков и жирных овец «семь раз по семь»; и каждый визирь, или суккалмах, страны «Кедровой горы», Элама, Мархаши, Гутиев, Субира, Марту, Сутиев и Эанны (старое название царства Эрех) по очереди прибывали с пожертвованиями в храм Адаба, чтобы принять участие в праздничной церемонии. Это довольно необычное описание посвящения завершается надеждой, что богиня Нинту обеспечит долгую жизнь *энзи* этих семи стран, если они и дальше будут приносить дары и жертвы Энамзу Адаба.

Так, из этой надписи явствует, что Лугаланнемунду был одним из могущественнейших и динамичных правителей Шумера. Судя по списку и местоположению подвластных ему земель – страна «Кедровой горы», Элам, Мархаши и Гутии на востоке, Субир на севере, Марту на западе, Сутии и Эанна в центре и на юге, – он вполне мог называться правителем «четырех четвертей» вселенной. Что касается времени его правления, то оно приходится, вероятно, на XXVI в. до н. э., что по меньшей мере на полвека предвараляло власть тех шумерских царей, даты правления которых можно достаточно точно вычислить на основании лагашских источников, ибо эти цари сменяли один другого в тесной последовательности, и свободного интервала для столь мощной и представительной фигуры, как Лугаланнемунду, в этой цепочке не осталось.

Начиная приблизительно с 2500 г. и заканчивая около 2350 г. до н. э. до нас дошла целая серия посвячительных надписей, позволяющих восстановить более-менее последовательно и непрерывно историю Шумера, хотя бы ее ключевые фигуры и события. Она начинается с города-государства в юго-восточной части Шумера, Лагаша, который по неизвестным нам причинам не упомянут в Царском списке, но который играл важную роль в политической истории Шумера в период между 2450-м и 2300 гг. до н. э. Конечно, Лагаш был не единственным царством, представлявшим страну Шумер на отрезке времени, равном полутора столе-

тиям. Там было свыше полдюжины других сосуществующих земель, например, Мари, Адаб, Эрех, Ур, Киш и Акшак. Но к сожалению, мы мало знаем о том, что их связывало, т. к. до нас не дошло практически ничего, кроме имен правителей, и только изредка попадаетея документ, отражающий существенное политическое и военное событие. С другой стороны, у нас есть несколько сот посвященных надписей из Лагаша, и, хотя многие из них лаконичны и повторяют друг друга, но есть и несколько чрезвычайно ценных для истории этого периода. Конечно, выходит, что на события того времени мы смотрим глазами лагашца, но, судя по тем случаям, когда информацию можно сверить с другими источниками, лагашские историки уважительно относились к истине и излагали факты вполне достоверно, хотя набожный и религиозный характер их исторического стиля иногда туманен и труден для понимания. Таким образом, ход исторических событий позволяет нам восстановить в основном именно лагашские источники, краткий очерк которых и предлагается читателю.

Немногим позже 2500 г. до н. э. на шумерскую сцену выходит правитель по имени Месилим, принявший титул царя Киша и, похоже, контроль над всей страной – в Лагаше был найден набалдашник и в Адабе – несколько предметов с его надписями. Но самое важное то, что Месилим был ответственным арбитром в жестоком пограничном споре между Лагашем и Уммой. Спустя примерно поколение после правления Месилима, около 2450 г. до н. э., человек по имени Ур-Нанше воцарился на престоле Лагаша и основал династию, длившуюся пять поколений. Мы не знаем, откуда явился Ур-Нанше или как он пришел к власти. Есть даже вероятность того, что он по происхождению был не шумером, а семитом из страны, известной под названием Тиднум, к западу от Шумера. Как бы там ни было, после себя он оставил порядка пятидесяти надписей на табличках, плакетках, дверных петлях, кирпичках и гвоздях, повествующих в основном о строительстве храмов, рытье каналов и ваянии статуй божеств. Но одно из неоднократно повторяющихся предложений содержит политические и экономические сведения весьма неожиданного свойства, хотя следует сделать оговорку, что приводимый здесь перевод не является окончательным. Положение гласит: «Корабли Дильмуна привезли ему (Ур-Нанше) лес как дань иностранных земель», и это означает, что Ур-Нанше обладал достаточной властью, чтобы держать под контролем ряд зарубежных территорий за пределами Персидского залива. Однако до сих пор нет других свидетельств в подтверждение столь далеко идущего заявления, и, по-видимому, целесообразно пока отложить этот вопрос как нерешенный.

Один из сыновей Ур-Нанше, Акургаль, наследовал ему на троне в Лагаше. В начале своего правления он, вероятно, вступил в конфликт с гражданами Уммы, и царствование его было недолгим. Его сменил сын Эаннатум, чьи завоевания сделали его самой могущественной фигурой тех времен, тем более что он отважился принять, по крайней мере, на несколько лет титул царя Киша, что само по себе означало господство над всем Шумером. Правление свое он начал довольно мирно – строительством и восстановлением тех областей своего царства, которые были разрушены, вероятно, уммитами в дни Акургалья. Но позже он провел ряд победоносных военных мероприятий против Элама на востоке, Уммы на севере, Эреха и Ура на западе, не говоря уже о нескольких городах, местоположение которых пока не выяснено. Что послужило причиной этих войн, неизвестно, кроме истории с Уммой. Понять эту борьбу помогает довольно подробный документ, подготовленный одним из летописцев племянника Эаннатума – Энтеменой. Этот документ позволяет следующим образом воссоздать причины и драму конфликта между Лагашем и Уммой, а также в какой-то момент положительно роль в ней Эаннатума.

В те дни, когда Месилим был царем Киша и, как минимум, номинальным сюзереном Шумера, между городами Лагаш и Умма возник пограничный конфликт. Оба города явно признавали Месилима своим владыкой. Он начал разбирать тяжбу, проводя границу между двумя государствами в соответствии с оракулом Сатарана, божества, ответственного за ула-

живание жалоб. Более того, он установил стелу с надписью, чтобы обозначить спорное место и предотвратить дальнейшие споры.

Однако решение, с которым, очевидно, согласились обе стороны, было в пользу Лагаша. Во всяком случае, в скором времени Уш, *энзи* Уммы, нарушил условия договора; дата этого события не обозначена, но есть указания на то, что это нарушение произошло незадолго до того, как Ур-Нанше основал в Лагаше свою династию. Уш снес стелу Месилима в знак того, что он не связан текстом написанного на ней договора, пересек границу и захватил самую северную часть территории Лагаша под названием Гуэдинна.

Эта земля оставалась в руках уммитов до правления внука Ур-Нанше, Эаннатума. Он напал на них, одержал победу и установил новую границу, призванную обеспечить благополучие Гуэдинны; для будущих надписей он восстановил там прежнюю стелу Месилима, установил несколько собственных стел и возвел ряд зданий и святилищ некоторым наиболее почитаемым шумерским богам. Более того, чтобы свести к минимуму возможный источник разногласий между Уммой и Лагашем в будущем, он со стороны пограничной канавы Уммы отделил полосу земли в качестве нейтральной, ничьей, территории. Наконец, Эаннатум, пытаясь, вероятно, немного успокоить чувства уммитов, а также будучи настроен на новые завоевания в других направлениях, согласился отдать им под пашню поля на территории Гуэдинны и даже глубже к югу. Но соглашался сделать это только при условии, что они будут платить лагашским правителям долю своего урожая за право пользоваться землей, обеспечивая, таким образом, себе и своим преемникам значительное вознаграждение.

Эаннатум продолжил завоевания, одержав победу над Эламом и некоторыми южными городами Шумера, такими, как Умма, Эрех и Ур, и Северным Шумером, находившимся под контролем города Киш и соседнего Акшака. Конечно, Киш ослаб, потерпев поражение от руки Эншакушанны, который представил себя в качестве «эна Шумера» и «царя страны»; и именно Зузу, царь Акшака, повел наступление войск севера на Лагаш. Эаннатум разбил войско противника и гнал его «от Антасурры» (северной границы Лагаша) к самому Акшаку, нанося тяжелые потери.

Теперь Эаннатум был на гребне славы; он чувствовал себя в силах даже принять титул «царя Киша», подразумевавший господство над Шумером в целом; или, по словам древнего автора, «Эаннатуму, *энзи* Лагаша... Инанна (верховное божество Киша), потому как любила его, дала царство над Кишем дополнительно к власти энзи в Лагаше». В Шумере наступил краткий период мира, и Эаннатум берет таймаут для прокладки канала, дав ему высокопарное название Луммагимдуг, «достойный Луммы». Лумма – имя, данное Эаннатуму в Тиднуме семитским народом марту, что к западу от Шумера.

Но прежде чем строительство канала было завершено, стены его были обложены кирпичом, Эаннатум уже вновь был в состоянии войны. На сей раз он защищался, едва умудряясь сдерживать врага и избегая поражения. Сначала его атаковали с востока эламиты, и, хотя он и отбросил их на свою территорию, ему не удалось закрепить успех и самому вступить в Элам: к тому времени в Лагаш вторглись его застарелые враги с севера, из Киша и Акшака. Едва он успел оттеснить их с лагашских земель, как вернулись эламиты со своими новыми союзниками; затем снова последовало вторжение войск Киша и Акшака, и тоже с союзниками в лице царства Мари, расположенного далеко к западу. В жестоких боях у Асухура, восточной границы Лагаша, и Антасурры, его северной границы, Эаннатум одержал решающие победы над противником. Снова последовала недолгая передышка, и Эаннатум готов был возобновить строительную деятельность, укрепляя стены канала Луммагимдуг и сооружая гигантский резервуар для воды. Но, несмотря на его победы и его гордый титул «покоритель всех стран Нингирсу», у Эаннатума был, похоже, несчастливый конец, потому что его преемником стал не один из сыновей, а его брат Эннатум. Это указывает на веро-

ятность того, что умер он не естественной смертью, но пал в бою, что обернулось катастрофой для Лагаша, от которой страна так уже полностью и не оправилась.

Энаннатум, унаследовав правление в Лагаше, вскоре был втянут в серьезный конфликт с уммитами, ибо, несмотря на поражение при Эаннатуме, потребовалось менее поколения, чтобы вновь обрести уверенность в себе, если не былую силу. В любом случае, Ур-Лумма, сын неудачливого Энакалле, аннулировал унижительный договор с Лагашем и отказался платить Эаннатуму дань, наложенную на Умму. Более того, он начал осушать пограничные каналы, валить и сжигать стелы Месилима и Эаннатума с их раздражающими надписями, разрушать строения и святилища, построенные Эаннатумом вдоль пограничной канавы с целью предупредить уммитов о запрете ступать на территорию Лагаша. Теперь он вознамерился пересечь границу и войти в Гуэдинну. Для уверенности в победе он просил и получил военную помощь от «иноземцев» к Северу от Шумера.

Два войска встретились в месте Ганаугигга Гуэдинны, недалеко к югу от границы. Уммиты и их союзники выступали под командованием самого Ур-Луммы, лагашцев вел Энтемена, поскольку его отец Энаннатум был к тому времени уже глубоко пожилым человеком. Лагашцы победили: Ур-Лумма бежал, преследуемый Энтеменой, и большая часть его войск была захвачена и истреблена.

Но победа Энтемены оказалась эфемерной. Вслед за поражением и возможной гибелью Ур-Луммы на сцену выходит новый противник: это Иль, глава храма в городе Халлаб, расположенном к северу недалеко от Уммы. Иль, по-видимому, терпеливо выжидал, чем кончится борьба Ур-Луммы с Энтеменой. Но как только она закончилась, он напал на победителя Энтемену, воодушевленного первым успехом, и вторгся глубоко на территорию Лагаша. Конечно, он не сумел удержать завоевания на юге от уммаско-лагашской границы, но ему удалось стать энзи Уммы.

Иль начал демонстрировать свое презрение к требованиям Лагаша почти тем же образом, как и его предшественник, Уш. Он лишал пограничные каналы воды, столь необходимой для орошения прилежащих полей и угодий, и соглашался платить мизерную часть дани, наложенной на Умму прежним договором Эаннатума. И когда Энтемена направил к нему посла, требуя объяснений столь недружественных действий, он высокомерно заявил, что вся Гуэдинна является его территорией и доменом.

Конфликт Иля и Энтемены, однако, не вылился в военное противостояние. Вместо этого был найден компромисс, к которому их вынудила третья сторона, вероятно, снова нешумерский правитель с севера, объявивший себя владыкой всего Шумера. В целом решение было принято в пользу Лагаша, т. к. прежняя граница Месилима – Эаннатума между Уммой и Лагашем была восстановлена и утверждена. С другой стороны, ничего не говорится о компенсации уммитского долга Лагашу за неуплаченную дань; и, похоже, с них сняли ответственность за обеспечение водой Гуэдинны, теперь это должны были делать сами лагашцы.

Энтемена был последним великим *энзи* династии Ур-Нанше; его сын Энаннатум II правил очень недолго и добился немногого, судя по тому факту, что до сих пор было найдено всего одно упоминание о нем – дверная петля, посвященная восстановлению пивоварения Нингирсу. После него *энзи* Лагаша стал Энетарзи, по-видимому узурпатор; от времени его правления до нас дошло большое количество административных документов, а не посвященных надписей. Было найдено и письмо, адресованное Энетарзи Луэнной, бывшим в Нинмаре *санга*, с сообщением о поражении банды из шестисот эламитов, напавших на Лагаш и разграбивших его.

После Энетарзи *энзи* в Лагаше стал Лугаланда, который, как и его предшественник, оставил нам только административные документы и не оставил посвященных надписей; поэтому мы практически ничего не знаем о его правлении. Вслед за Лугаландой к вла-

сти пришел Урукагина, прославившийся не военными подвигами – на деле он был, пожалуй, первым пацифистом в мире, – а социальными и этическими реформами, самыми ранними в документальной истории человека. К сожалению, его правление было недолгим и имело грустный конец, когда Лугальзаггеси, честолюбивый и воинственный *энзи* соседней Уммы, сжег, разграбил и разрушил практически все святыни Лагаша. Эти злодеяния Лугальзаггеси подробно изложены в довольно необычном документе, написанном лагашским писцом и теологом, несомненно, по воле Урукагины, который, по всей видимости, пережил катастрофу. Конец документа исполнен веры в справедливость богов Урукагины, который, хотя и очень трогательно, практически поведал о своем бездействии. Там сказано: «Так как уммит разрушил кирпичи (?) Лагаша, он совершил грех против бога Нингирсу; он (Нингирсу) отрубил руку, поднятую на него. Это не грех Урукагины, царя Гирсу. Да заставит его (Лугальзаггеси) Нидаба (личная) богиня Лугальзаггеси, энзи Уммы, отвечать за все грехи». Создается впечатление, что Урукагина фактически не оказывал сопротивления своему агрессивному шумерскому собрату из Уммы, настолько сильна была в нем вера в справедливость богов и воздаяние их злодею, однако в чем оттого польза жертве, неясно. В любом случае, карьера Лугальзаггеси, начавшаяся покорением Лагаша и на какое-то время увенчавшаяся феноменальным успехом, закончилась позорно.

Лугальзаггеси оставил нам одно важное сообщение, текст, по кускам собранный Германом Хилпрехтом более полувека назад из сотен фрагментов вазы. В нем Лугальзаггеси гордо называл себя «царем Эреха (и) царем Страны», заставившим подчиниться все иностранные земли, так что в его владениях, простиравшихся «от Нижнего моря вдоль рек Тигр и Евфрат до Верхнего моря», царили исключительно мир, счастье и процветание. Но как было сказано, все это длилось недолго; спустя каких-нибудь два десятка лет военного успеха и триумфа его с колодкой на шее поместили у ворот Ниппура, чтобы каждый прохожий оскорблял и плевал в него. Его победителем был семит по имени Саргон, основатель могущественной династии Аккада, начавшей, сознательно или нет, семитизацию Шумера, которая в конечном итоге положила конец шумерскому народу, по крайней мере его видимой политической и этнической целостности.

Саргон Великий, как его знают современные историки, был одним из наиболее выдающихся политических деятелей Древнего Ближнего Востока, военным вождем и гением, равно как и творческим администратором и строителем с чувством исторической важности своих деяний и достижений. Его влияние так или иначе проявилось во всем Древнем мире, от Египта до Индии. В последующие эпохи Саргон стал легендарной фигурой, о котором поэты и барды слагали саги и волшебные повести, и они действительно содержали зерно истины. К счастью, в случае Саргона нам нет необходимости прибегать к более поздним хроникам и повестям в поисках исторических фактов, т. к. у нас есть его собственные документы с описанием его наиболее значительных военных мероприятий и достижений. Саргон, как и его два сына, Римуш и Маништушу, наследовавшие ему, увековечил свои победы, установив в храме Энлиля в Ниппуре испещренные надписями собственные статуи, а также стелы с описанием себя и своих поверженных врагов. Конечно, ни одна из этих статуй и стел не дожила до сего дня, кроме случайных диоритовых обломков оригинала: даже раскопки в Ниппуре не восполнили этого разочарования, и, конечно, может статься, что они были разрушены еще в древности. Но к везению современных историков, несколько веков спустя после их освящения в храме Энлиля анонимный ученый и исследователь скопировал все надписи со статуй и стел с такой тщательностью и точностью, которые сделали бы честь любому современному археологу и эпиграфисту. Там были даже пометки с указанием, были ли эти надписи нанесены на саму статую или на ее пьедестал, что выражалось такими фразами: «(это) надпись на статуе» или «на пьедестале написано...». Для чего он изготовил копии, совершенно неизвестно; возможно, храму и его убранству грозила опасность разру-

шения, и имелось в виду сберечь что-то для потомков. Если так, то он преуспел даже больше, чем мог ожидать, ведь его драгоценные таблички были найдены почти целыми Ниппурской экспедицией, и их содержание стало достоянием потомков благодаря усилиям ученых Арно Пёбеля и Леона Легрэна.

Саргон, хотя и семит, начал карьеру в качестве высокого чиновника, а именно подателя кубка (виночерпия), при шумерском царе Киша по имени Ур-Забаба. Это был тот самый правитель, которого честолюбивый Лугальзаггеси сверг и, возможно, убил, когда он встал на его пути к власти после разрушения Лагаша. Первой целью Саргона было убрать Лугальзаггеси с политической сцены. Для этого он предпринял неожиданное нападение на столицу Лугальзаггеси, Эрах, «сразил его» и разрушил его стены. Защитники Эраха, похоже, бежали из города и, собрав сильное подкрепление – согласно записи, им на помощь пришли пятьдесят *энзи* из провинций, – выступили против Саргона. В кровавой битве тот одолел их. Только тогда, кажется, Лугальзаггеси, которого не было в Эрахе, вероятно, в связи с далекой военной кампанией, появился на сцене со своей армией. И в этот раз Саргон вышел победителем, причем в такой степени, что смог заковать Лугальзаггеси в цепи, или, скорее, в шейные колодки, и доставить к воротам Ниппура.

Захватив Лугальзаггеси, Саргон вернул самую южную часть Шумера, где подвластные Лугальзаггеси *энзи* еще надеялись сдержать его натиск. Сначала он атаковал Ур в самой в крайней точке юго-запада, затем район Энинмар, простиравшийся от города Дагаш до берегов Персидского залива, где омыл оружие, несомненно, празднуя победу ритуальной церемонией. Возвращаясь с моря, он напал на Умму, оплот Лугальзаггеси, и разрушил ее стены, и тем завершил завоевание Южного Шумера. Теперь он обратился на запад и север и подчинил земли Мари, Джармути и Иблы, вплоть до «Кедрового леса» и «Серебряной горы», т. е. областей Аман и Таврида. Далее мы встречаем его на пути в Восточный Шумер, он берет Элам и соседний Барахши и уносит их богатства.

Такова история ниппурских копий надписей на статуях и стелах Саргона, которые, однако, охватывают только часть его правления. Судя по гораздо более поздним легендам и хроникам, завоевания Саргона продолжались; он, вероятно, даже отправлял свои армии в Египет, Эфиопию и Индию. Чтобы держать под контролем столь громадную империю, он поставил военные гарнизоны на ряде ключевых позиций. В самом Шумере, где восстания происходили постоянно, он назначил соплеменников семитов на высшие административные посты и укомплектовал гарнизоны городов аккадскими войсками. Для себя и своего огромного штата чиновников и солдат – он хвастался, что «ежедневно при нем ели хлеб 5400 человек», – он построил город Агаде недалеко от Киша, города, где он начинал свою феноменальную карьеру в качестве подателя чаши правящего Ур-Забабы. В короткий срок Агаде стал самым зажиточным и блестящим городом Древнего мира. Сюда стекались дары и дань из четырех частей саргоновских владений, а в его гаванях стояли суда из далекого Дильмуна, Магана и Мелуххи (т. е., вероятно, Индии, Египта и Эфиопии). Большинство жителей Агаде были, несомненно, семитами, связанными с Саргоном узами родства и языка, и от названия Агаде, или Аккада, по библейской версии (Бытие, 10:10), произошло слово «аккадцы», означающее сегодня месопотамских семитов в целом.

Саргона сменил его сын Римуш, к которому империя перешла раздираемая восстаниями и бунтами. В жестоких боях с участием десятков тысяч воинов он подчинил, вернее, переподчинил города Ур, Умму, Адаб, Лагаш, Дер и Казаллу, а также страны Элам и Барахши. Он правил, однако, только девять лет, после чего к власти пришел его «старший брат» (возможно, близнец) Маништушу, продолживший такую же военную и политическую модель правления. Более того, как и его отец Саргон, он водил свои победоносные войска в отдаленные земли, во всяком случае, так может показаться из отрывка одного текста, в котором сказано: «Когда он (Маништушу) пересек Нижнее море (т. е. Персидский залив) на

судах, тридцать два царя объединились против него, но он нанес им поражение, и разграбил их города, и низложил их владык, и разорил [всю (?) сельскую местность (?)] вплоть до серебряных приисков».

Маништушу правил пятнадцать лет, и ему наследовал сын Нарамсин, при котором Агаде достиг пика славы и могущества, и ему же суждено было увидеть его горький, трагический конец. Его военные успехи были многочисленны и прибыльны: он победил мощную коалицию восставших царей Шумера и прилегающих земель, подчинил район к западу вплоть до Средиземного моря, а также Таврию и Аман. Он распространил свое владычество на Армению и восстановил статую победы возле современного Диербакира, одолел Луллуби на Северном Загросе и увековечил победу грандиозной стелой. Он превратил Элам в частично семитизированное вассальное государство и построил много зданий в Сузах. Он вернулся с трофеями из Магана после победы над его царем Манием. Неудивительно, что он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы добавить эпитет «царь четырех четвертей» к своим титулам, и что у него было довольно оснований причислить себя к божествам в качестве «бога Агаде».

Но потом на Нарамсина и его Агаде обрушилось роковое бедствие, грозившее существованию всего Шумера: беспощадное и разрушительное вторжение кутиев, жестокого варварского кочевого народа с восточных гор. Об этом мы узнаем в первую очередь из историографической поэмы, которую можно назвать «Проклятие Агаде: возмездие Экура». Она была создана шумерским поэтом, жившим несколько веков спустя после этой катастрофы, когда Агаде уже давно пребывал в руинах и запустении. Этот документ замечателен не только своим правдивым описанием Агаде до и после падения, но это и самая ранняя попытка дать оценку историческому событию с позиций господствовавшего в то время мировоззрения. В поисках причин этого унижительного и бедственного нашествия кутиев автор приходит к несомненному, по его мнению, ответу и сообщает нам о кощунстве Нарамсина, до того неизвестного из других источников. По словам автора, Нарамсин осадил Ниппур и творил всевозможные безбожные и кощунственные действия в святилище Энлиля, и за это Энлиль наслал на страну кутиев, приведя их из горной обители, чтобы разрушить Агаде и воздать по заслугам за свой любимый храм. Более того, восемь из главнейших божеств шумерского пантеона, чтобы как-то успокоить дух их правителя Энлиля, наложили на Агаде проклятие вечного запустения и безлюдья. Так, добавляет автор в конце произведения, и случилось: Агаде с тех пор оставался покинутым и пустынным.

Наш историограф начинает свой труд с введения, где противопоставлены слава и сила Агаде в дни процветания и разруха и запустение после падения. Первые несколько строк произведения звучат так: «После того как, нахмутив лоб, Энлиль предал народ Киша смерти, как Бык Небес, и как высокий вол превратил дом Эреха в пыль; после того, в должное время, Энлиль дал Саргону, царю Агаде, власть и царство от верхних земель до нижних земель», тогда (перефразируя наиболее доступные для понимания отрывки) стал город Агаде богатым и сильным, под нежным и постоянным руководством его верховного божества Инанны. Его здания были полны золотом, серебром, медью, оловом и ляпис-лазурью; его старые мужи и жены давали мудрые советы; его юные дети были полны радости; музыка и пение звучали повсюду; все окрестные земли жили в мире и безопасности. Нарамсин придал еще более величия святилищам и поднял стены его до уровня гор, ворота же оставались при этом открытыми. Сюда приезжали кочевые марту, люди, что «не знают зерна», с запада, привозя отборных быков и овец. Сюда приезжали мелуххиты, «люди черной страны», привозя свои экзотические товары. Сюда приезжали эламцы и субарийцы с востока и севера с ношей, точно «вьючные ослы». Сюда приезжали все принцы, вожди и шейхи равнины, привозя дары каждый месяц и на Новый год.

Но вот пришла беда, или, как об этом говорит автор: «Ворота Агаде, они валялись разбитые... святая Инанна оставляет нетронутыми их дары; Ульмаш (храм Инанны) охвачен страхом, (ибо) нет ее в городе, ею покинутом; как дева бежит из покоев, святая Инанна покинула храм свой в Агаде; как воин с оружием поднятым, напала она на город жестокой битвой, заставила его развернуться грудью навстречу врагу». И в очень короткий срок, «в пять дней, не десять дней», власть и царствие оставили Агаде; боги отвернулись от него, и Агаде лежал пустынный; Нарамсин мрачный сидел в одиночестве, в рубище; его колесницы и суда стояли без дела, всеми забытые.

Как же это случилось? По версии нашего автора, Нарамсин за семь лет своего твердого правления действовал вопреки слову Энлиля: он позволил солдатам напасть и разорить Экур и его рощи, разрушил постройки Экура медными топорами и кирками, так, что «дом лежал сраженный, точно мертвый юноша». И вообще, «все земли лежали повержены». Более того, у ворот, называемых «Ворота Несжатых Злаков», он жал зерно. «Ворота Мира» он разрушил кирками. Он осквернил святые сосуды и срубил священные рощи Экура; он превратил в пыль его золотые, серебряные и медные сосуды. Он погрузил все имущество Ниппура на суда, что стояли прямо у святилища Энлиля, и вывез в Агаде.

Но все это он проделал не ранее, нежели «совет покинул Агаде» и «здравый разум Агаде превратился в безумие». Тогда «Энлиль, неистовый потоп, что не имеет равных, из-за того, что дом его любимый подвергся нападению, приведшему к разрухе»; он устремил взгляд к горам и призвал вниз кутиев, «народ, кому контроль неведом»; «он землю укрыл, как саранча», так, что никто не мог избежать его силы. Сообщение, и по морю, и по суше, стало невозможным по всему Шумеру. «Гонец не мог пуститься в путь; моряк не мог на судне плыть... бандиты обжили дороги; створки ворот страны превратились в глину; все окрестные земли готовились к худшему за стенами своих городов». В результате страшный голод постиг Шумер. «Великие поля и долины зерна не давали; не ловилась рыба в затонах; сады, орошенные, ни вина не давали, ни меда». Из-за голода цены подскочили до такой степени, что за ягненка давали только *полсилы* масла, или *полсилы* зерна, или *полмины* шерсти (таблицу мер см. на рис. 4).

Горе, нужда, смерть и запустение угрожали захлестнуть практически все «человечество, слепленное Энлилем». Тогда восемь самых главных божеств шумерского пантеона, а именно Син, Энки, Инанна, Нинурта, Ишкур, Уту, Нуску и Нидаба, решили, что пора умирить ярость Энлиля. В молитве к Энлилю они поклялись, что Агаде – город, разрушивший Ниппур, – будет сам разорен, как Ниппур. И вот эти восемь божеств «обратили лица к городу, проклинали Агаде разрушением»:

Город, ты, что смел напасть на Экур, что Энлиля (презрел),
 Агаде, ты, что смел напасть на Экур, что Энлиля (презрел),
 Пусть рощи твои превратятся в кучу пыли,
 Пусть глиняные (кирпичи) вернутся к своей основе,
 Пусть станут они глиной, проклятые Энки,
 Пусть деревья твои вернутся в свои леса,
 Пусть они станут деревьями, проклятые Нинильду.
 Ты водил на бойню быков – поведешь вместо них своих жен,
 Ты резал овец – будешь ты резать детей,
 Твои бедняки – придется топить им своих драгоценных детей,
 Агаде, пусть твой дворец, построенный с сердцем веселым,
 Развалинами обернется...,
 По местам, где свершал ты обряды и ритуалы,
 Пусть лиса, выходя на охоту, свой хвост волочит...,

Пусть на тропах твоих судоходных ничего не растет, лишь трава,
На дорогах для колесниц пусть ничто не растет, лишь плакун-
трава,
И еще сверх того, на твои судоходные тропы и пристани
Ни один человек не взойдет, из-за диких козлов, паразитов (?),
змей и горных скорпионов,
Пусть в долинах твоих, где росли сердцу милые травы,
Не растет ничего, лишь «осока слез»,
Агаде, вместо вод сладкоструйных твоих, воды горькие пусть
потекут,
Кто скажет «Я бы в городе том поселился», не найдет в нем
пригодного места,
Кто скажет «Я бы в городе том отдохнул», не найдет там
удобного ложа.
Так в точности, заключает наш историк, и случилось:
На его корабельных тропах ничего не растет, лишь трава,
На дорогах для колесниц ничего не растет, лишь плакун-трава,
И еще сверх того, на его судоходные тропы и пристани
Ни один человек не ступает, из-за диких козлов,
паразитов (?), змей и горных скорпионов,
На равнинах его, где росли сердцу милые травы,
Не растет ничего, лишь «осока слез»,
Агаде, вместо вод сладкоструйных его, воды горькие потекли,
Кто сказал «Я бы в городе том поселился», не нашел в нем
пригодного места,
Кто сказал «Я бы в городе том отдохнул», не нашел там удобного
ложа.

Поражение Нарамсина в борьбе с кутиями повлекло за собой политическое замешательство и анархию в Шумере, хотя сын Нарамсина, Шаркалишарри, пытался исправить часть нанесенного отцом вреда, судя по нескольким посвященным надписям, в которых он называет себя «строителем Экура, дома Энлиля». Но если так, то было слишком поздно: теперь его владения ограничивались городом Агаде и его ближайшими окрестностями. Он носит титул только «царя Агаде» и более не осмеливается использовать высокий эпитет отца «царь четырех четвертей». Конечно, он оглашает победы над кутиями, эламитами и амореями, но это были, скорее всего, оборонительные битвы, принятые для защиты ворот Агаде. Все указывает на то, что именно правители кутиев находились у политической власти в течение семи из восьми десятилетий, последовавших за смертью Нарамсина; похоже, они были вправе назначать и смещать правителей шумерских городов на свое усмотрение. Так или иначе, а возможно, из-за того, что считали *энзи* Лагаша лояльным и сговорчивым, кутии отдавали предпочтение Лагашу, который почти полвека был главным городом южной части Шумера и временами контролировал Ур, Умму и, возможно, даже Эрах. В любом случае, к концу периода «господства кутиев» в Лагаше правит династия *энзи*, которая следует политическому и религиозному курсу великого реформатора Урукагины, отдававшего «кесарю кесарево» во имя лучшего служения богам. Основатель этой новой лагашской династии *энзи* был Ур-Бау, оставивший нам несколько посвященных надписей с перечнем зданий многочисленных храмов Лагаша. Он также контролировал Ур, или, по крайней мере, оказывал на него достаточно сильное влияние, чтобы посадить свою дочь верховной жрицей Нанны, божества-покровителя Ура. У Ур-Бау были три зятя – Гудеа, Ургар и Намхани (он же Нам-

махни) – и каждый из них стал *энзи* Лагаша. Довольно неподвижное лицо и бесстрастные черты Гудеа знакомы современным студентам по его многочисленным статуям. Некоторые из них испещрены длинными сообщениями о его религиозной деятельности, связанной со строительством и перестройкой наиболее значительных храмов Лагаша. Из них мы узнаем, что, несмотря на господство кутиев, Гудеа имел торговые связи практически со всем «цивилизованным» миром того времени. Он получал золото из Анатолии и Египта, серебро – из области Тавриды, кедр – из Амана, медь – из Загроса, диорит – из Египта, сердолик – из Эфиопии, лес – из Дильмуна. Не имел он проблем и с мастерами из Суз и Элама, работавшими по отделке храма. На двух цилиндрах Гудеа, раскопанных в Лагаше более семидесяти пяти лет назад, найден текст самого длинного из известных нам литературных произведений почти в четыреста строк. Это повествование ритуального и гимнического характера увековечивает перестройку главного храма Лагаша – Эннинну. Гудеа даже сообщает об одной военной победе – над государством Аншан, что находилось на юге рядом с Эламом. Он также говорит о создании ряда культового и символического оружия, например, *шарура*, и набалдашников с пятьюдесятью головами. Это может указывать на его значительную военную активность, хотя, вероятно, только в качестве вассала кутиев. Гудеа, как и его тесть Ур-Бау, также контролировал город Ур, где были найдены три его надписи.

Гудеа сменил его сын, Ур-Нингирсу, и его внук, Угмен, правивший между ними менее десятилетия. Им на смену пришел, вероятно, Ургар, другой зять Ур-Бау, но правление его было совершенно мимолетным. Далее последовал третий зять, Намрани, ставший, похоже, *энзи* не только Лагаша, но и Уммы. То, что он столкнулся с кутиями, а потому может считаться предателем Шумера, совершенно точно, т. к. в одной из своих надписей привязывает дату своего правления к дням, когда «Ярлаган был царем Кутии». Но к тому времени в Шумере появился спаситель, Утухегаль из Эреха, свергший кутийское иго и вернувший царство Шумеру. Об этом рассказывается в историографическом типе повествовательной поэмы, сложенной либо во времена самого Утухегалья, либо вскоре после него. Она начинается жестоким поношением кутиев, «змеи (и) скорпиона гор», их жестокого нападения на Шумер и правдиво описывает победоносное выступление Утухегалья против царя кутиев Тиригана, взятого в плен и доставленного закованным и ослепленным к Утухегалю, чтобы тот «поставил стопу ему на шею».

Несмотря на громкую победу, Утухегаль недолго удерживал власть в Шумере. Есть указания на то, что после семи лет его правления трон узурпировал Ур-Намму, один из его честолюбивых управляющих, ставший основателем последней из основных шумерских династий, известной как Третья династия Ура. Ур-Намму, правивший шестнадцать лет, оказался способным военным вождем, великим строителем и выдающимся администратором. Он создал первый свод законов в письменной истории человечества.

Ур-Намму начал свое правление нападением и убийством Намхани, зятя Ур-Бау из Лагаша. Тот, очевидно, вторгся на территорию Ура, несомненно, при поддержке своих кутийских (кутских) покровителей. Объявив себя хозяином Ура и Лагаша, он попытался установить господство во всем Шумере; его надписи были найдены в Эрехе, Ниппуре, Адабе и Ларсе, а также в Уре. Возможно, ему даже удалось распространить контроль на прилегающие к Шумеру земли, если судить по одной из его формул данных, где он хвастается, что «проложил прямой путь из нижних земель в верхние».

Ур-Намму, исходя из утверждения о том, что «его бросили на поле сражения, как разбитый сосуд», вероятно, погиб в битве кутиями, которые, несмотря на убедительную победу Утухегалья, продолжали досаждал Шумеру в течение всего периода правления Третьей династии Ура. Его сменил сын, Шульги, правивший сорок восемь лет относительного мира и процветания Шумера. Шульги распространил свою власть на Элам и Аншан к востоку и на кочевые народы района Загросских гор. Он даже установил контроль над Ашшуром и

Ирбилем на субарийской территории далеко к северу от Шумера. То, что он испытал серьезные трудности, пытаясь усмирить и подчинить субарийцев, видно из письма, которое один из его чиновников по имени Арадму переслал ему откуда-то из Субира. Арадму были даны указания Шульги «держать в хорошем состоянии дороги в страну Субир», укрепить границы страны, «разузнать пути в стране» и «советоваться с собранием мудрых против гнилого (?) семени (?)» – последний термин был, очевидно, условным эпитетом какого-то не названного по имени субарийского вождя, отказавшегося признать авторитет Шульги. Но Арадму считал ситуацию безнадежной; «гнилое семя», похоже, было богато и influentially и так напугало и деморализовало Арадму, что тот мог только взывать о помощи к Шульги. У нас также есть ответ Шульги на это письмо, в котором Шульги подозревает Арадму в измене и прибегает к угрозам, и к лести, пытаясь удержать Арадму от присоединения к субарийским повстанцам.

Шульги, как недавно отмечалось, сознательно старался следовать по стопам Нарам-сина, четвертого правителя семитской династии Аккада. Как и тот, он принял титул «царя четырех четвертей» и уже при жизни причислил себя к лику божеств. Его жена была энергичной, деятельной семиткой по имени Абисимти; она пережила Шульги и оставалась вдовствующей царицей при трех преемниках Шульги, двое из которых, по крайней мере, – Шу-Син и Ибби-Син – носили семитские имена. Но хотя Шульги представляется ориентированным на семитов, он был большим почитателем шумерской литературы и культуры и главным патроном шумерской школы, *эдуббы* (см. главу 6). В своих гимнах он похвально своей образованностью и эрудицией, приобретенными в *эдуббе* в дни молодости, и заявляет, что прошел весь курс и стал умелым писарем.

Шульги наследовал его сын Амар-Син; он правил всего девять лет, но ему удалось вернуть контроль над Шумером и его провинциями, включая отдаленный Ашшур на севере. Его брат Шу-Син, сменивший его на троне, тоже правил девять лет. Именно в ходе его правления впервые произошло серьезное наступление на Шумер семитского народа, известного как амореи из Сирийской и Аравийской пустыни. Шу-Син считал необходимым построить огромную укрепленную стену, чтобы удерживать варваров-кочевников у залива, но эта мера оказалась малоэффективной. В первые годы правления Ибби-Сина, пятого и последнего представителя династии Ур-Намму, амореи предприняли основное нашествие, и их атаки совместно с эламцами на востоке вынудили Ибби-Сина возвести большие стены и укрепления вокруг столицы, Ура, а также шумерского религиозного центра – Ниппура.

Ибби-Син сумел удержаться в качестве правителя Шумера в течение двадцати четырех лет. Но все его правление прошло под знаком шаткости и даже крайности положения; большую часть времени он был вынужден оставаться в самом Уре, в котором часто свирепствовал голод. В результате нашествия амореев и набегов эламцев его империя едва шаталась и крошилась, и правители других крупных городов Шумера предпочитали оставить своего царя и рассчитывать на собственные силы. Об этом плачевном состоянии вещей мы узнаем в основном из переписки Ибби-Сина с главами провинций, в результате чего вырисовываются портреты довольно трагической фигуры Ибби-Сина и амбициозных и лицемерных функционеров.

Сегодня мы располагаем текстом из трех писем его царской переписки. Первое из них содержит донесение от Ишби-Эрры о результатах экспедиции по покупке зерна, порученной ему Ибби-Сином. Письмо проливает свет на вторжение амореев в Западный Шумер и на трудности, которые причиняли Ибби-Сину эламцы. Ишби-Эрра начинает свое послание с сообщения об успешной покупке семидесяти двух тысяч *гур* зерна по хорошей цене в один шекель за *гур*; но, узнав, что враждебные амореи вторглись в Шумер и «захватили великие крепости одну за другой», он отвез зерно не в столицу, Ур, а в Исин. Если царь pošлет за ним теперь шесть сотен судов вместительностью сто двадцать *гур* каждое, продолжает он, то он доставит зерно в разные города Шумера, но при этом его следует назначить ответственным

«за места, где суда должны причалить». Письмо заканчивается просьбой к Ибби-Сину не поддаваться эламцам – вероятно, они осаждали Ур и его окрестности, – потому что зерна достаточно, чтобы хватило голодным обитателям «дворца и его городов» в течение пятнадцати лет. В любом случае, молит он, царь должен сделать его главным в Ниппуре и Исине.

То, что Ибби-Син полностью доверял Ишби-Эрре и действительно вверил ему Ниппур и Исин, становится ясно по его ответу, который хотя и не был еще опубликован, но недавно представлен Торкилдом Якобсеном. К несчастью Ибби-Сина, Ишби-Эрра оказался столь же неверным, сколь был деловым и компетентным, ему удалось не только отстоять Исин и Ниппур, но и узурпировать трон своего господина. Об этом мы узнаем, конечно, не из переписки Ишби-Эрры и Ибби-Сина, а из письма последнему Пузур-Нумушды, главы города Казаллу, и из ответа ему Ибби-Сина.

Согласно письму Пузур-Нумушды, Ишби-Эрра занял прочное положение правителя Исина, который он превратил в свою царскую резиденцию. Более того, он подчинил Ниппур и распространил свое влияние вдоль всего Тигра и Евфрата, от Хамази на севере и к востоку до Персидского залива. Он взял в плен тех наместников Ибби-Сина, которые сохраняли верность своему царю, и вернул на службу тех, кто предположительно был смещен Ибби-Синем за неверность. Трогательная беспомощность и жалкая нерешительность Ибби-Сина очевидны в его ответе Пузур-Нумушде. Хотя он прекрасно понимает, что тот и сам на грани предательства, т. к. он не пришел на помощь верным наместникам Ибби-Сина, хотя для этой цели в его распоряжении находились отборные войска, но ничего не мог поделать, только просить сохранять ему верность. Он дает сомнительные гарантии, что Ишби-Эрра, «который не шумерского семени», не сможет осуществить надежду стать хозяином Шумера, что эламцы будут разгромлены, ибо «Энлиль поднял амореев с их земель, и они победят эламцев и захватят Ишби-Эрру». Невероятно, но речь идет о тех самых амореях, что досаждали Шумеру со времен Шу-Сина, предшественника Ибби-Сина.

С усилением независимости и влияния Ишби-Эрры Шумер оказался под властью двух царей – Ишби-Сина, чьи владения ограничивались столицей, Уром, и Ишби-Эрры, державшим под контролем большинство городов Шумера, сидя в своей столице, Исине. Но на двадцать пятом году правления Ибби-Сина эламцы, наконец, взяли Ур и увели Ибби-Сина в плен, оставив гарнизон удерживать город. Несколько лет спустя Ишби-Эрра напал на гарнизон и выдал его из Ура, став, таким образом, царем всего Шумера со столицей в Исине.

Ишби-Эрра основал династию Исина, правившую свыше двух столетий, хотя последние правители не были его прямыми потомками. Теоретически Исин претендовал на господство над всем Шумером и Аккадом. Реально, однако, страна была разбита на ряд самостоятельных городов-государств, и централизованная империя уже более не существовала. Почти век Исин и впрямь оставался самым могущественным из этих государств; под его контролем были Ур, старая столица империи, и Ниппур, остававшийся шумерским духовным и интеллектуальным центром весь период. Четвертый правитель династии Исина, Ишме-Даган, похвалялся в гимнах тем, что вернул Ниппуру его былую славу; до его правления город, похоже, пережил жестокое нападение врага, возможно ассирийцев с севера. Его сын и наследник, Липит-Иштар, заявил о своем главенстве над основными божествами Шумера и принял гордый титул «царя Шумера и Аккада». В начале его правления он ввел новый шумерский свод законов, ставший образцом известного свода Хаммурапи, хотя последний написан на аккадском, а не на шумерском языке.

Но на третьем году правления Липит-Иштара честолюбивый и динамичный правитель по имени Гунгунум вззошел на трон Ларсы, города к югу от Исина, и начал строить политическую мощь города с ряда успешных военных предприятий в районе Элама и Аншана. Всего несколько лет спустя тот же Гунгунум уже взял под контроль Ур, старую столицу империи, имевшую большое значение для престижа и могущества Исина. Конечно, это был

«мирный» захват – Уру угрожало новое вторжение амореев, – но с того времени Исин утратил значение важной политической силы, хотя и не отказывался от прежних претензий еще более века. В конечном итоге он подвергся нападению и захвату Рим-Сина, последнего правителя Ларсы, придававшего этой победе настолько большое значение, что все документы в течение последних тридцати лет своего правления датировал, исходя из этого события.

Но сам Рим-Син не сумел воспользоваться этой победой. На севере страны, в незначительном до той поры городе Вавилоне, набирал силу выдающийся семитский правитель по имени Хаммурапи. После трех десятилетий беспокойного правления он напал на Рим-Сина в Ларсе и одержал над ним победу, как и над царями Элама, Мари и Эшнунны, и, таким образом, около 1750 г. стал правителем единого царства, простиравшегося от Персидского залива до реки Хабур. На Хаммурапи история Шумера прерывается, и начинается история Вавилонии, семитского государства, построенного на шумерском фундаменте.

Глава 3

Шумерский город

Шумерская цивилизация по характеру была преимущественно городской, хотя и основывалась скорее на сельском хозяйстве, нежели на промышленности. Страна Шумер в 3-м тысячелетии до н. э. состояла из дюжины городов-государств, в каждом из которых был обнесенный высокой стеной город, окруженный прилегающими деревнями и поселениями. Отличительной особенностью каждого города был главный храм, расположенный на высокой террасе, постепенно перерастающей в массивную башню с уступами, зиккурат, самый характерный шумерский вклад в культовую архитектуру. Храм обычно состоял из центрального прямоугольного святилища, или келлария, окруженного по всем четырем длинным сторонам рядом комнат для нужд священников. В келлarii была ниша для статуи бога, перед которой помещался стол для подношений, сделанный из кирпича-сырца. Храм строился в основном из сырца, и, поскольку этот материал был непривлекателен ни цветом, ни структурой, шумерские архитекторы украшали стены при помощи регулярно расположенных выступов и углублений. Они также ввели колонны и полуколонны из сырца и покрывали их узорами из зигзагов, ромбов и треугольников, созданных из тысяч окрашенных глиняных конусов, вмурованных в толстую штукатурку из сырой глины. Иногда внутренние стены святилища украшались фресками с изображениями фигурок человека и животных, а также целым набором геометрических мотивов.

Храм был самым большим, высоким и самым главным зданием города, в соответствии с теорией, принятой религиозными шумерскими лидерами и восходившей, несомненно, к древнейшим временам, когда весь город принадлежал его главному божеству, которому приписывалось его создание в дни сотворения мира. Реально, однако, храмовое сообщество владело только частью земли, которую сдавало в аренду ипольщикам. Остальная часть земли была частной собственностью отдельных граждан. В древности политическая власть сосредоточивалась в руках этих свободных граждан, и городской глава, известный как *энзи*, был не более чем равным среди равных. В случае принятия жизненно важных для города решений эти свободные граждане созывались на двухпалатную ассамблею, состоящую из верхней палаты «старейшин» и нижней палаты «мужей». По мере того как борьба между городами становилась все более жесткой и жестокой, а также в связи со все большим давлением со стороны варварских племен к востоку и западу от Шумера, военное руководство стало насущной необходимостью, и царь, или, как он звался по-шумерски, «большой человек», занял ведущую позицию. Поначалу, вероятно, это была выборная должность, и ассамблея назначала его для исполнения особых военных предприятий в критические для государства моменты. Но постепенно царская власть с ее привилегиями и прерогативами стала наследным институтом и считалась признаком цивилизации, как таковой. Цари основали регулярную армию, где колесница – древний танк – служила главным орудием нападения, а тяжело вооруженная пехота атаковала фалангами. Победными и завоеваниями Шумер в основном был обязан превосходству своего вооружения, тактике, организации и руководству. Поэтому с течением времени дворец стал соперничать с храмом в богатстве и влиянии.

Но священники, принцы и солдаты представляли в конечном итоге только малую часть городского населения. Подавляющим большинством являлись земледельцы и скотоводы, корабельщики и рыбаки, торговцы и писцы, врачи и архитекторы, строители и плотники, кузнецы, ювелиры и гончары. Конечно, существовали богатые могущественные семьи, владельцы больших поместий, но даже бедные умудрялись владеть фермами и садами, домами и скотом. Наиболее трудолюбивые мастера и ремесленники продавали изделия ручного труда

на свободном городском рынке, взимая плату либо товаром, либо «деньгами», представлявшими собой, как правило, диск или кольца из серебра стандартного веса. Купцы вели бойкую торговлю, переезжая из города в город, а также путешествуя в прилежащие земли по морю, и немало таких купцов были, вероятно, частниками-одиночками, а не представителями дворцов и храмов.

Положение о том, что шумерская экономика была относительно свободной и что частная собственность была скорее правилом, нежели исключением, противоречит утверждению некоторых ученых-ориенталистов о том, что шумерский город-государство был тоталитарной теократией под началом храма, владевшего всей землей и полностью контролировавшего всю экономику. Тот факт, что подавляющее большинство табличек из Шумера досаргоновского периода (около 2400 г. до н. э.) представляют собой документы храмов Лагаша, содержащие инвентаризацию храмовых земель и персонала, привел ученых к неоправданному выводу о том, что все земли Лагаша, как, по-видимому, и остальных городов-государств, являлись храмовой собственностью. Но справедливо и то, что есть целый ряд документов из Лагаша и прочих городов с четким указанием на то, что граждане городов-государств могли покупать и продавать свои поля и дома, не говоря уже о всякого рода движимой собственности. Так, например, в Фара и Бисмае были найдены несколько документов приблизительно 2500 г. до н. э. с записями о продаже недвижимости частными лицами, и это, несомненно, лишь малая толика того, что осталось в земле. Родом из Лагаша и каменная табличка, содержащая акт о продаже земли Энхегалю, царю Лагаша и предшественнику Ур-Нанше, из которой явствует, что даже царь не только не мог просто отобрать собственность по своей прихоти, но обязан был платить за нее. Было найдено и другое свидетельство на камне – купчая Лумматура, сына Энннатума I, на земли разных лиц и семей. Из текста реформ Урукагины видно, что даже бедные и низкие сословия имели собственные дома, сады и пруды с рыбой. Но идея о храмовой теократии и ее абсолютном контроле над городом овладела умами многих ведущих ученых, и, чтобы искоренить ее, потребовался немедленный тщательный пересмотр сотен имеющихся экономических документов, особенно лагашских. Это удалось сделать И.М. Дьяконову, русскому ученому, посвятившему много труда и времени этой задаче; его тщательное исследование появилось в 1959 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.